

«Ты прикрепшишь к созвездью парус...» Велимир Хлебников

Ж У Р Н А Л

№ 7-8 (60) 2014

Э Т О В

Парус поэта

Компьютерная графика Галины Мальцевой специально для ПО.

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Сергей Бордачев «Парусник».
Скульптура на выставке «Малевич и Космос»
в Доме архитектора, Москва, июнь, 2014 г.

ДООС, опережая время, продолжает проект открытия мемориальных виртуальных досок там, где они пока не установлены. Москва, Тверская улица, дом 7, Главный телеграф.
Виртуальную доску изготовил Андрей Врадий
ДООС

На этом месте
стояло здание Московского
университетского
благородного пансиона
(1779-1830),
в котором учились писатели
В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов,
А. Ф. Вельтман, М. Ю. Лермонтов,
Н. П. Огарев, В. Ф. Одоевский,
Ф. И. Тютчев.

Плыли под парусом

2-3-4-5

Константин Кедров,
Лидия Григорьева

6

Михаил Лермонтов,
Татьяна Бонч-Осмоловская

7

Елена Кацюба,
Сергей Бирюков

8

Михаил Лермонтов,
Дмитрий Панчук,
Оксана Слободчикова

9

Любовь Саломон,
Александр Трифилов,
Андрей Дмитриев

10

Виктор Гоппе

11

Вероника Родионова,
Виктор Клыков

12-13

Татьяна Михайловская,
Михаил Лермонтов,
Кристина Зейтунян-Белоус

14

В.Г.Короленко,
Василий Манченко,
Максим Липянчик,
Ольга Попова

15

Лия Сергеева,
Кселена Литвинова

16

Ирина Силецкая,
Л. О. Пастернак

17

Михаил Вяткин,
Кристина Зейтунян-Белоус

18

Андрей Вradий,
Наталья Рожкова,
Кристина Зейтунян-Белоус

19

Н. М. Сатин,
Владимир Монахов

20

Евгений Степанов,
Адела Василой

21-22-23-24-25-26-27-28-29

Александр Грановский,
Юрий Косаговский

30

Андрей Цуканов

31

Алевтина Дорофеева

32

Кристина Зейтунян-Белоус,
Михаил Лермонтов,
Валерий Мутин

33

Владимир Спектор,
Александра Заболотская

34

Анатолий Кудрявицкий,
Никита Гиндес

35

Михаил Лермонтов,
Юрий Борев,

Мадина Музафарова,
Галина Якубовская

36-37

Михаил Лермонтов,
А.Головин,

Юлия Ворона,
Маргарита Аль,
Татьяна Скрундзь,
Александр Петрушкин

38

Ольга Адрова,
Валерий Жевлаков

39

Бруно Нивер

40

Николай Ерёмин,
Ольга Реймова

41

Света Литвак,
Игорь Ревякин

42

Андрей Политов,
Максим Заречанский

43-44-45

Кира Сапгир

46-47

Федор Сологуб,
Владимир Павлов

48

Герман Гецевич

Без руля и без ветрил

Еще в 18-ом столетии случилось событие, до сих пор не достаточно оцененное. Вышел Указ о Вольности дворянства. Не будь этого Указа, наша литература не была бы такой великой, правдивой и свободной. Это литература людей, наделенных в несвободной стране великими правами и вольностями. Воистину без руля и без ветрил русские аристократы ездили, куда хотели, по всему миру, часто даже будучи под наблюдением или в опале. Конечно, судьба Лермонтова сложилась иначе, но тоска по свободе, уготованной ему по праву рождения и происхождения, слышится во многих текстах. Да, ссыльный! Да, военный, мятежный, ищущий бури, но в душе, прежде всего, свободный.

Аристократическая литература – большая роскошь. Не у всякой страны есть такая родовитая и древняя аристократия, как у нас, или в Британии, или в Шотландии, или в Испании. И все эти генетические ветви сплелись в Михаиле Лермонтове.

Он и испанец Лерма, он и шотландец Лермонт, он, конечно, и русский до корней волос. Аристократ по природе не может быть рабом. Для Лермонтова все жалованное дворянство всего лишь «...надменные потомки / известной подлостью прославленных отцов, / пятою рабскою поправшие обломки / игрою счастья обиженных родов!»

Тут что-то древнее боярское слышится, много раз обруганное в учебниках местничество – борьба за место у трона среди самых первых. Он и гибель Пушкина на дуэли воспринял как расправу безродных с родовитыми.

Кстати, еще Пушкин советовал царю приближать к трону аристократию, а не чиновников, поскольку аристократ-де к деньгам испытывает презрение и взяточником или вором при всем желании быть не сможет.

По себе судили и Александр Сергеевич, и Михаил Юрьевич.

Но шутки шутками, а обостренное чувство чести, ныне почти что вымершее, было едва ли не главным в нашей великой поэзии позапрошлого века. Лермонтов называет Пушкина «невольник чести». Дескать, если и раб, то только самой свободы, поскольку честь и свобода неразделимы.

Известно, что в кавказской войне поручик Лермонтов не был простым стажером и созерцателем.

Однако участвуя в самых кровопролитных сражениях, он, по большому счету был над схваткой, как Печорин, и в целом войну, конечно же, осуждал. Достаточно прочесть его «Валерик».

Чувство судьбы – вот что ему мешало в жизни и помогало в поэзии. «Я знал, удар судьбы меня не обойдет, / и голова, любимая тобой, / с груди твоей на плаху перейдет».

Он считал себя умершим или уснувшим уже при жизни. И этот вечный сон он пересказал в самом известном стихотворении: «Но не тем холодным сном могилы... / я б желал навеки так заснуть, / чтоб в груди дремали жизни силы...»

Созерцая мир как бы со стороны, из этой вечной нирваны, он не был похож на бесстрастного буддийского отшельника. Страсти в нем было больше, чем во всех русских поэтах девятнадцатого века. Это лучше других почувствовал Пастернак. «Я жизнь, как Лермонтова дрожь, / как губы, в вермут окунал». Над ним иронизировал гениальный Маяковский, перекрывший своей мощью даже энергетику Лермонтова. «От этого Терека / в поэтах истерика. / Я Терека не видел. / Большая потерийка». Лермонтовский Демон улетел от Маяковского, «смердя впустую». Но «на воздушном океане без руля и без ветрил» по-прежнему «тихо плавают в тумане хоры стройные светил».

Все варианты поэмы «Демон» у Лермонтова гениальны, и ни один исследователь не разгадал, почему эта поэма была запрещена и почему ее с удовольствием разыгрывали в домашнем театре члены царской фамилии.

Любая дуэль страшна и нелепа. Два человека договариваются убить друг друга по правилам. Иногда убивают. Правых и виноватых в таких случаях искать не приходится. Но дуэль Пушкина и Дантеса была со стороны Дантеса бесчестной хотя бы потому, что Дантес кадровый военный, а Пушкин сугубо штатский человек с гусиным перышком вместо пистолета.

Дуэль Лермонтова с Мартыновым совершенно другого свойства. Лермонтов – кадровый и вполне обстрелянный офицер. У Мартынова было мало шансов остаться в живых. Разумеется, молва превратила сразу же Мартынова в Грушницкого, а Лермонтова в Печорина. Так тому и быть. Характер Лермонтова, конечно, был не из легких, но Николай I явно погорячился, сказав «собаке собачья смерть».

Рисунок Константина Кедрова специально для ПО (бумага, фломастер)

Напрасно ставят под сомнение авторство Лермонтова – несомненно, именно ему принадлежат два этих четверостишия:

Прощай, немытая Россия,
страна рабов, страна господ,
и вы, мундиры голубые,
и ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Лермонтов в каждом слове. Молодость соперничала в нем с гениальностью. Юношеское богоборчество, нигилизм и максимализм сменялись искренним религиозным чувством: «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» Искреннее религиозное чувство у Лермонтова так же естественно, как юношеское богоборчество. Но главное все же сама поэзия, не подвластная идеологии и политике.

Он останется навсегда загадкой и тайной и для нас, и для самого себя. Верный признак настоящей поэзии.

Почему дорога уходит?

Кто-то входит
Кто-то приходит
То ли грешный то ли святой
Почему дорога уходит
Там где Лермонтов и Толстой

14 мая 2014

Осторожно – двери открываются

На небе – Млечная река
В реке галактик облака

Мне интересен только Млечный путь
И по нему я отправляюсь в путь

Пусть никто не сомневается
Двери в Рай не закрываются

Константин Кедров

Любвиль

Мне снилась улица по имени Любовь
Там я сошел на станции конечной
Еще мне снился городок Любвиль
Где жил я вечно и родился вечно

На набережной где обрыв в Обрыв
Мы бросились в объятия с обрыва
Об я об я на взрыв или навзрыд
Об мы мы оба мы пока мы живы

Ах утонуть во Врубеле опять
На нотах Си и Ре из аромата
В счастливых лепестках себя распять
В тех лепестках где мы раз пять распяты

Закат любви все сжег. Ах как мне жаль
Наш город пламенем сиреневым объят
Спалил Любвиль сиреневый пожар
Спалил дотла остался аромат

* * *

Океан пустоты выбрасывает на берег
то Одисея запутавшегося сетях
то обломки затонувших Титаников
А вчера, прогуливаясь по берегу
я наткнулся на себя утонувшего в пустоте
выброшенного волнами пустоты на брег бытия
Пустота цунами цунами пустоты
поочередно выбрасывают на берег
эти слова волны волны слова
слововолны волнослава
Говорящий океан пустоты
изъясняется только волнами
Бейтесь слова о брег бытия
Мореплаватель пустоты отправляется в пустоту
открывать Америку пустоты
Магеллан пустоты обогнув пустоту
вернулся к исходной точке
А мог бы не сходить с места
как статуя Свободы над Гудзоном и океаном
как я на Манхэттене над музеем Холокоста
напротив статуи Свободы
как Нью-Йорк вобравший океан
сияющими окнами
как океан поглотивший Нью-Йорк волнами
как Статуя Свободы над Холокостом

* * *

Теперь о главном – Тишина
обрушена на всю планету
Жизнь временно разрешена
Мы заплатили плату эту

Да временно –
Ну миллиард
Каких то там нездешних лет
Но Бог и этому был рад
Когда сказал:
Да будет Свет

Что неужели сам сказал
Собор огромен как вокзал...
А говорят – Моя вина
Моя великая вина...
Моя великая вина
Но нам неведома цена

* * *

Вот мы летим на дельтапланолете
Летим вдвоем на дельтапланолете
Вот мы уже куда то прилетели
Но все еще летим на планолете
Нам хочется лететь на планолете
Лететь вдвоем на дельтапланолете
И мы летим на дельтапланолете
Хотя уже давно мы прилетели
Летим вдвоем на дельтапланолете
Хотя уже упали и разбились
и улетели
Все равно летим

* * *

В промежутке голосовых связок
Где прячется речь
В промежутке между тобой и мной
Где мы оба вместе
Там остался навсегда мой голый голос
Голый как Адам перед голой Евой

* * *

За пределами дальней границы
Взор теряет прочерченный путь
Никуда не летят эти птицы
Никуда – это тоже маршрут

Рисунок Константина Кедрова специально для ПО (бумага, фломастер)

Лидия Григорьева

ДООС – стреказанка
Лондон, Великобритания

* * *

Когда я пишу стихи,
я не успеваю жить.
Когда я живу,
я не успеваю писать стихи!

* * *

И у меня есть свой престол –
счастливая примета:
вишневый сад и венский стул
на хуторе у деда!

12 августа 2014

* * *

Везде война. А я пишу о малом –
о розовом цветке, о тёмно-алом,
о том, как стоек маленький росток.
А между тем кровавится Восток.

Я тоже слышу за оградой сада
чудовищную музыку разлада,
раскат и грохот, и разгул стихий.
Но это не войдет в мои стихи.

Смотрю на всё отнюдь не равнодушно,
спасти готова каждого – подушно,
хочу развеять огненную муть!
Но руку сквозь экран не протянуть...

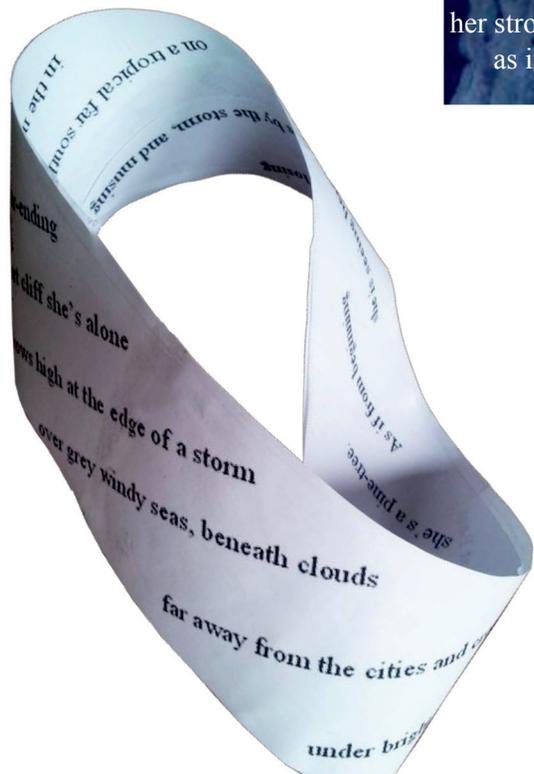
Я этот ужас так преодолею:
взрашу, посею, напишу, взлелею.
И пусть предстану с краскою стыда
перед вратами Страшного Суда.

Классика ПО-нашему

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одега, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.
М.Ю.Лермонтов,

18

Картина И.И.Шишкина
«На севере диком», 1890 г.

Татьяна Бонч-Осмоловская

Doctor of Philosophy
Сидней, Австралия

Dreaming (almost Heinrich Heine)

...on a tropical far southern land
in the middle of desert red sand
stands a palm tree, alone in despair
under brightest blue sky and thick air
under moon and the Southern Cross stars,
she is trembling, her leaves like old scars
under hot sandy wind. She is dreaming –
she's a pine-tree, as if from beginning
she is seeing herself
on a far northern land
among snow and ice she is standing
over waves, over tide's never-ending
on a high desert cliff she's alone
grows high at the edge of a storm
over grey windy seas, beneath clouds
far away from the cities and crowds,
under bright seven stars of Great Bear
there's nobody near her to care.
she's alone, half-unconsciousness, losing
her strong branches by the storm, and musing
as in daydream she sees...

Комментарий автора.

Стихотворение «Во сне (почти Генрих Гейне)», написанное на ленте Мебиуса, входит в короткий цикл визуальных стихотворений, сочиненных для конференции-фестиваля математического искусства Бридж («Мосты», 2013, Голландия). Вместе с двумя другими стихотворениями цикла, написанными соответственно на гранях тетраэдра и на сфере, оно исследует основные геометрические формы с точки зрения возможности насыщения их поэтическим содержанием. Форма ленты Мебиуса подсказала взаимную трансформацию субъекта стихотворения: бесконечная последовательность трансформаций соединяет ночь и день, жару и холод, север и юг, сон и реальность. Отметим, что в отличие от оригинального стихотворения, в котором явь и сон, реальность и мечта, объект и субъект разделены, здесь демонстрируется их внутренняя общность и взаимосоответствие. Как чтение стихотворения можно начинать с любой строки, так и объектом может быть любой из его героев: пальма мечтает о сосне, которая мечтает о пальме, которая мечтает о сосне...

Елена Кацуба

ДООС – libellula

«Зачем я не птица...»

М.Ю.Лермонтов

* * *

Из наивных маленьких ангелов
 вырастают печальные демоны.
 Им становится тесно
 в бесконечно прекрасном раю.
 И все чаще приходят они
 к тому самому дереву,
 и стоят, и глядят обреченно,
 все – у пропасти на краю.
 На высоком челе ни морщинки.
 Напрасны усилья
 разгадать, что сейчас
 происходит в его голове.
 Удаляется прочь,
 волоча свои тяжкие крылья
 по высокой и мягкой
 невянущей райской траве.

1972

Летом темно, томно, тело – тремоло волн
 Новое лоно – тонем! Вето моветон
 Море тоном нот мерно в мол лом
 В молве не волен, лов ветр ртом

Птица Лермонтов
 (анаграмм)

Ворот ветром рвет, орел Ермолов – молот
 Ров тел – трон ворон. Тлен, мор
 Отмолен – отмело, воет ртов ор
 То монет во т(ь)ме вор

Сергей Бирюков

доктор культурологии
 ДООС – заузавр
 Галле, Германия

* * *

во
ов

* * *

спроси в последний раз
 кто может разделить с тобой
 твою печаль
 ответ найдешь в неожиданно
 попавшей на глаза
 немецкой книжке
 «каждый умирает в одиночку»
 (не забудь закрыть кавычки)
 (и скобки)
 (а лучше поставь двоеточие
 запятую и тире восемь
 вопросительных знаков)

московских улиц

слепящий зной

перебег переверт

как будто резко вскрывают

конверт

и там и тут и рядом с тобой

анализ текста –

солнечных брызг

разматывая параллель

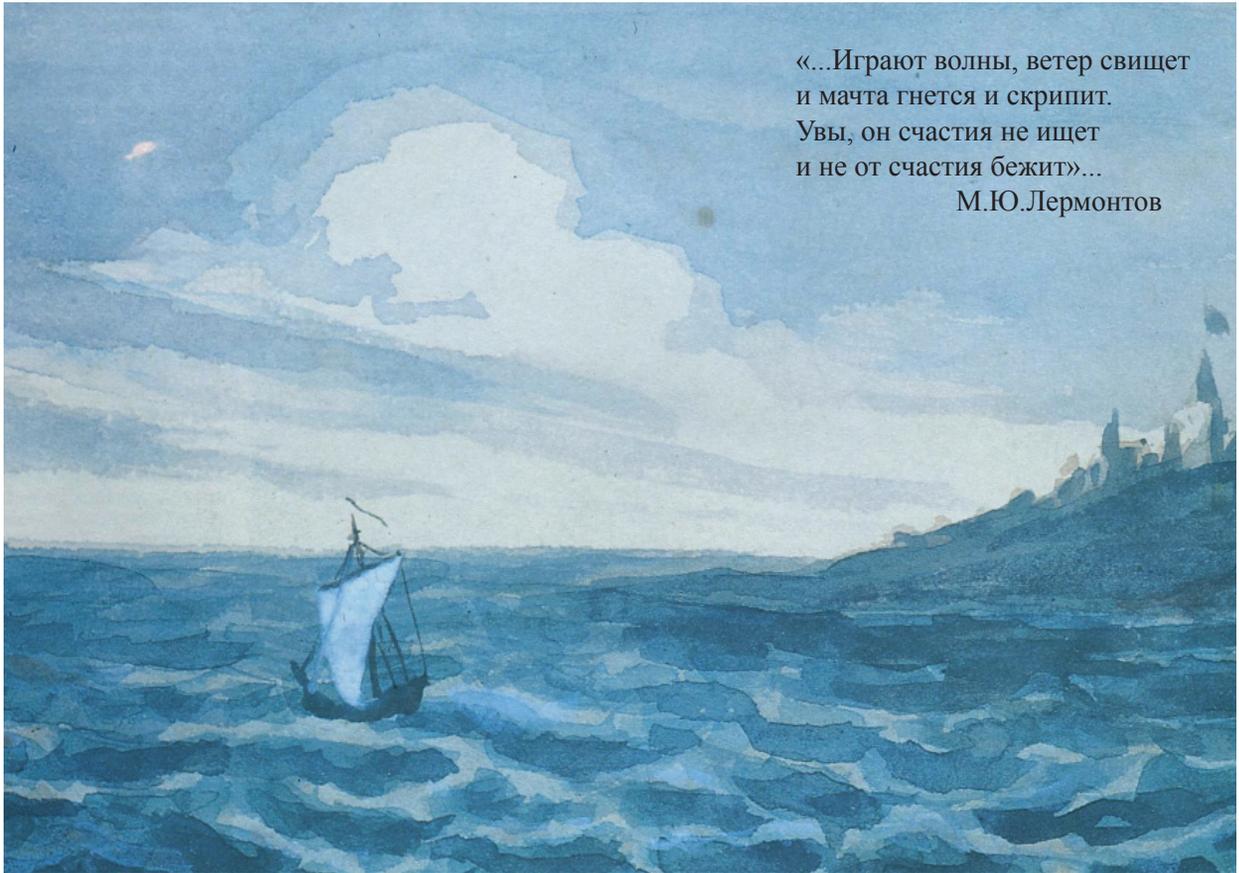
машиношинный шепот и

визг

что делать теперь

сказуемое – это что о ком
 глаголить волит глагол
 а губы губы зачем при том
 обозначают пол

ты хочешь трепет продлить
 и лепет
 и шорохи и касания глаз
 о этот воздух еще не допит
 еще он сладост еще он

«...Играют волны, ветер свищет
и мачта гнется и скрипит.
Увы, он счастья не ищет
и не от счастья бежит»...

М.Ю.Лермонтов

М.Ю.Лермонтов «Морской вид с парусной лодкой» (фрагмент), 1828-1831 гг. (акварель).

Дмитрий Панчук

Северодвинск

Выворотень

Спариваясь с парусами
Ветер об подоконник, как зонтик
Руками, предлагает –
Дружить с кораблями, морями
Местами надоедая
Горло мачт продувая
Волосы волн переплетая
Стальных страшил
В такие места он водил и топил...
Не любил и любил
Заводил в гавань, мирил
Об чёрные скалы бил,
А в лесу так тихо ходил
Деревья любил...
Так тихо, меня он забыл
И завыл.
Смерчем бродит теперь, выворотень

Оксана Слободчикова

Канск

Духовный путь

Распустив паруса – мой корабль уносится в дали,
По морскому безбрежью – врезаюсь в глубинную суть,
Не всегда меня дивные радости там ожидали,
Но уже изменить – нет желания – выбранный путь.

Дует ласковый ветер – слагаются нежные песни,
Набегающим волнам дарую любовный мотив,
Претворяю в своём осознании – истинность Весты,
И рисую в стихах позабытый в иллюзии миф.

Якорь сорван штормами, и с ним утонули сомнения,
А душа держит курс к небесам – возрождая мечты,
Паруса наполняются музыкой слов – всепрощения,

И корабль, облегчённый, летит над мирком суеты.

* * *

Парус прозрачный над быстрой волною
Бодро скользит по воде.
Этот простор, серебро океана
Не повторятся нигде.

Чудо слияния неба с землею.
Шум приглушенный морской.
Лиц беззаботность, светила сиянье
Над разомлевшей страной.

Кажется, нет ни печали, ни боли.
Жизнь – только радость, согласие с собой.
Счастье минуты. Отсутствие роли.
Парус, натянутый крепкой рукой.

Любовь Саломон

* * *

К.С.

Печалится сердце в безлюдье, в снегах.
Печалится сердце в чудесных краях,
Где солнце высоко, где шум океана,
Где вечное лето. Сюда из тумана
Плывут силуэты больших кораблей,
Настойчиво манят к себе: Ты успеи
Доплыть, дотянуться, схватиться за борт –
Увидишь места еще больших красот!

Но сердце печалиться будет и там:
Земной красоты недостаточно нам.

Александр Трифилов

Хранитель

Брега нахмурятся волнами!
И домны вод пойдут стенами
Навалятся на нас!
И унесут на дно навеки!
В последний раз сомкнутся веки
И канем в град морской!
Но парус молодец проснется
Вдохнет, на мачте разойдется
И водам бой задаст!
Расправим вид, подтянем тросы
Не спать, озябшие матросы
Мы тянем жизни нить!
В чело удар вод леденящих!
И хлад по венам, свист звенящих!
Ветрищ, клонящих ниц!
Вот вспышки гроз, вот нам потеха!
Корабль дряхл, еще полвека
Послужит на верфях!
Поодаль, глянem, штиль несется!
И выдох паруса, пройдетя
От нас до щепок всех!
Ушли. Вот тишь. Светает
Пучины глушь, об борт ласкает
Еще кусает гладь!
На щеках капли, в них сверкают
Лучи, как будто бы играют
Восход! Какая благодать!

Андрей Дмитриев

Бор

МОРЕ

В старинную подзорную трубу
ты смотришь, изучая рваный контур,
забрешившего в дымке побережья.
Солёный ветер приобщив к труду,
огромный парус встал над морем в ком-то –
в скитаниях то праведном, то грешном.

Когда бы морем был сумбурный день...
Хоть нас пыгает рифами да мелью,
штормами, штилем, флибустьерами, цингой,
он вряд ли – кладезь мыслей о воде –
скорей о камне. Бурой акварелью
рисует кисть его с натурщицы нагой

и пьяной – нам, от суши ставшим здесь
сухими. Город местом лобным часа
ждёт – и время входит в красном колпаке.
Но вот подует в форточку зюйд-вест
и вспомнишь ты про палубу баркаса,
и берег тот иной, что видел вдалеке.

Плевать на рамки – морем обернись,
тугая жизнь. Тонуть – так только в море.
Ты видишь – тихо меркнут окна за кормой?
В них ждут углы детей и биссектрис,
в них дон и донна руку командору
жмут, отражаясь в тусклом олове трюмо.

Виктор Гоппе

М.Лермонтов «Парус»

**Сопроводительный текст
из книги М.Лермонтова «Парус»**

Еще в детстве, со школы мы привыкли считать безумцем и нелепым неудачником то существо, которое «что-то там ищет в стране далекой...» В данном случае акценты сознательно изменены в сторону «неслучайного занятия этого морячка». ПАРУС КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ – вот его статус. На обложку вынесена роскошная 29-метровая яхта (ГУЛЕТ-HANDEM), в которой есть все, что нужно для полноценной жизни. Признаюсь, что это произведение поэта является воплощением моей романтической мечты – путешествия во времени. Похоже, что странник также искал спасительную искру... В развороте книги показаны сразу несколько довольных физиономий предполагаемого хозяина яхты, – читатель сможет выбрать любое, с различной конфигурацией модной растительности на лице. Увы, для непосвященных стих заканчивается не совсем по-земному. В устремлениях странника чувствуется ожидание космической бури... Вероятно, и автор, и странник слишком далеко заглянули в будущее...

Москва, июль 2014 г.

Вероника Родионова

Начало

Стяжав бессмысленные наставления,
он путь свой начал налегке.
Что жизнь пророчит – в одночасье
узнать порой немудрено.
Он был эстет.
В сей век растленья
держал курс прямо на восток.
Подальше от фальшивых фразок,
на шаг приблизившись к порту.
О, волны, говор ваш могуч!
Все судьбы мира вам вверяю.

То тихий стон, то рев бурлящий:
герою вторил небосклон.
Переплетенья облаков
и зов, неумолимый зов!
Вперед гляди на склоны гор
усеянных покровом снежным –
таким манящим и небрежным.
Тормашки вверх, снять паруса!
Лишь руку протяни: леса.
В своей борьбе неустрашим,
теперь с младенческой улыбкой
принять готов он грозный рок
в долине ледяных ручьев,
в тени могучих великанов,
на россыпи воздушных масс...

Виктор Клык

ДООС – австрозавр
Вена, Австрия

Как будто парус прежних дней...

Сквозь окна дачи вижу море.
Внизу под склонами горы
Оно бушует – в белой пене
На берег катятся валы.

Пустынно море,
в нём не видно
Пловцов, резвящихся детей,
Но вдруг среди волн
чуть их заметней –
Как будто парус
прежних дней.

К волнам углом
прозрачный парус,
Надутый ветром, на доске
Летит
с серфистом обнажённым
В открытом море вдалеке.

Серфист умелыми руками
Его ровняет на ветру,
Ведёт вперёд, не сомневаясь,
И режет серую волну.

Вдруг вижу, парус курс меняет
И к берегу летит назад,
На волнах радостно играет
И, видно, этому он рад.

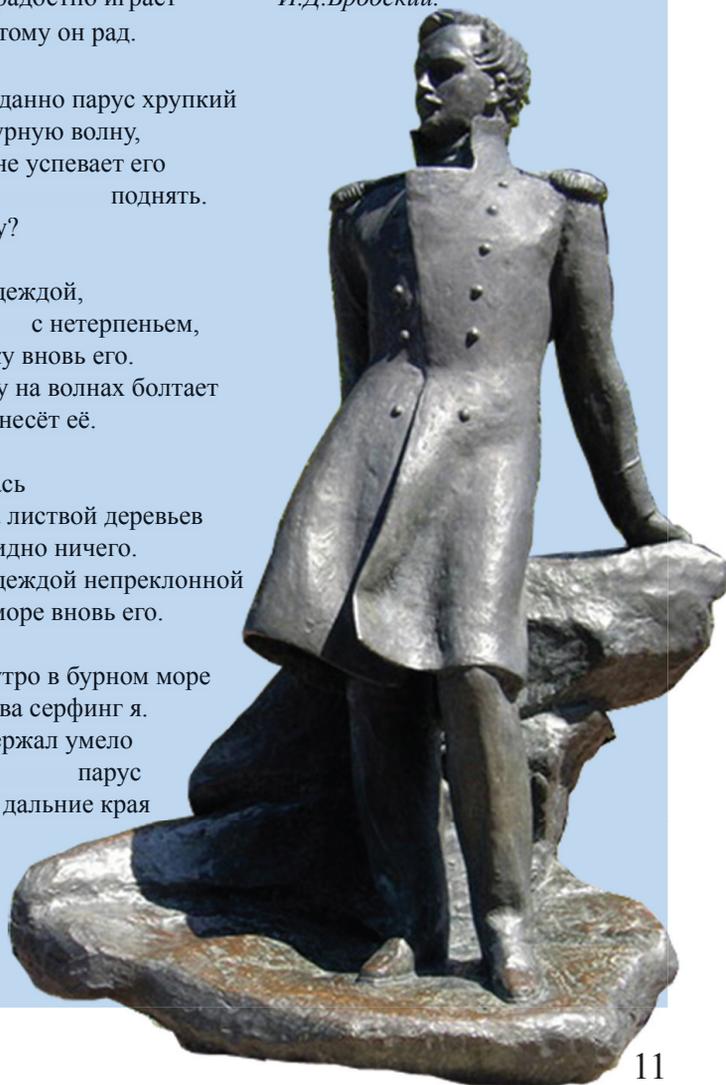
Но тут неожиданно парус хрупкий
Уходит в бурную волну,
И человек не успевает его
поднять.
Идёт ко дну?

Я жду с надеждой,
с нетерпеньем,
Когда увижу вновь его.
Лишь доску на волнах болтает
И к берегу несёт её.

Вот скрылась
за листвою деревьев
И мне не видно ничего.
Я жду с надеждой непреклонной
Увидеть в море вновь его.

И лишь наутро в бурном море
Увидел снова серфинг я.
Серфист держал умело
парус
И правил в дальние края

*Памятник М.Ю.Лермонтову
в Тамани. Скульптор
И.Д.Бродский.*

И волна и камень

Лабораторная работа

«Лермонтов погиб на Кавказе,
но любили его не за это».

Из школьного сочинения

Среди стихотворений Лермонтова 1832 года есть два прозаических отрывка, которые И. Андроников в свое время классифицировал как ритмическую прозу, переходящую в дактиль. Был еще и третий отрывок, но в рукописи Лермонтов по каким-то своим причинам его зачеркнул, и я, следуя воле автора, не буду в данном случае рассматривать третий отрывок как завершенный текст.

Некоторые исследователи предполагали, что эта проза – черновые записи, наброски к поэме «Исмаил-Бей», усматривая сходство образов в прозе и поэме. Не разделяю этого мнения. Биографические черты (в описаниях, психологические и пр.) присутствуют во всех произведениях Лермонтова, и поэтических, и прозаических. Так, например, строки поэмы «Еще ребенком он любил / Природы дикой пышные картины, / Разлив зари и льдистые вершины, / Блестящие на небе голубом» – перекликаются не только с «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли мое детство...», но и со многими стихотворениями Лермонтова этого периода и более позднего. Так что аргумент в пользу высказанного мнения о наброске или черновике, мне кажется, не работает. С моей точки зрения, оба эти прозаических текста являются свободным стихотворением – свободным от рифмы и регулярного метра. Для убедительности представлю их в записи, аналогичной современному верлибру.

Итак, у Лермонтова:

(1) «Синие горы Кавказа, приветствую вас ! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирует, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

(2) Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и, в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их побуждал к цветку стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину, купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинут на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! Те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, или виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел неожиданный, и страх после выстрела: враги коварный, или просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно».

В результате графической трансформации получаю одно – или два максимально близких друг другу стихотворения:

Лермонтов М.Ю. Кавказский пейзаж с озером, детский рисунок из альбома, акварель.

* * *

Синие горы Кавказа, приветствую вас!
вы взлелеяли детство мое;
вы носили меня на своих одичалых хребтах,
облаками меня одевали,
вы к небу меня приучили,
и я с той поры все мечтаю об вас да о небе.
Престолы природы, с которых как дым улетают
громовые тучи,
кто раз лишь на ваших вершинах Творцу
помолился,
тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился
он ею!..

Часто во время зари
я глядел на снега и далекие льдины утесов;
они так сияли в лучах восходящего солнца,
и, в розовый блеск одеваясь, они,
между тем как внизу всё темно,
возвещали прохожему утро.
И розовый цвет их подоился цвету стыда:
как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину,
купаясь, в таком уж смущенье,
что белой одежды накинута на грудь не успеют.
Как я любил твои бури, Кавказ!
Те пустынные громкие бури,
которым пещеры, как стражи ночей, отвечают!..
На гладком холме одинокое дерево,
ветром, дождями нагнутое,
иль виноградник, шумящий в ущелье,
и путь неизвестный над пропастью,
где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка,
и выстрел неожиданный,
и страх после выстрела:
враг ли коварный, иль просто охотник...
Всё, всё в этом крае прекрасно.

В трансформированном тексте сохранены без потерь все авторские приемы, выражающие яркие чувства молодого человека к царской («Престолы») и божественной («Творец») кавказской природе.

То, что перед нами стихи, невозможно усомниться. Однако это не жанр прозы в стихах, который привил русской литературе позже Тургенев. Лермонтов писал прозу, но слышал стихи (и я бы еще добавила: видел – картину). Он называл это “музыкой сердца”, что весьма характерно для него, игравшего на скрипке, фортепьяно и сочинявшего музыку. Если воспользоваться известной пушкинской дихотомией – волна и камень, стихи и проза, лед и пламень, то у Лермонтова одновременно и стихи и проза, они слиты: так в море волна выворачивает со дна камень и несет его в своей толще. Смысл проделанной мной операции в том, чтобы показать, как близко проза Лермонтова расположена к стиху, между ними практически нет зазора (независимо от того, что сам поэт думал по этому поводу, поскольку вряд ли он определял стих без наличия рифмы). Кроме изменений в графическом рисунке понадобилось совсем немного изменений в пунктуации, чтобы выстроить единое современное стихотворение. Сегодня подобные тексты мы без затруднений относим именно к стихам.

Лермонтов.
Рисунок Кристины
Зейтунян-Белоус
(Париж, Франция).

И только лексические синтаксические архаизмы выдают его принадлежность первой половине XIX века.

Отсюда от этих двух отрывков через шесть лет Лермонтов перекинул мостик к ритмической прозе в «Тамани»:

«Медленно подымаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние двадцати верст, и важная должна быть причина, его к тому побудившая!»

Если также записать эти две фразы для наглядности в форме свободного стиха, они могут предстать в таком виде:

Медленно подымаясь на хребты волн,
быстро спускаясь с них,
приближалась к берегу лодка.
Отважен был пловец,
решившийся в такую ночь пуститься
через пролив на расстояние двадцати верст,
и важная должна быть причина,
его к тому побудившая!

Сложность деления на строки возникает во втором предложении, поскольку здесь глагол «пуститься» может входить в синтагму предшествующих ему слов (как в моем примере), так и в синтагму последующих сочетаний («пуститься через пролив»), что естественно меняет интонацию, не фиксированную в прозе. Но «Тамань» настолько поразительное произведение, что говорить о нем частично, в контексте другой темы, просто невозможно – «Тамань» требует подробного разбора (плюс к тем, что уже давно были сделаны), иного подхода. Если принять точку зрения Гумилева о влиянии прозы Лермонтова на всю последующую русскую литературу, то выделю в его прозе «Тамань» как совершенно особую точку отсчета для совершенно особой русской литературы. Но об этом в другой раз.

«— Однако посмотрите: вон там, кажется, я видел парус.
— Нет, это мелькнуло крыло птицы».

В.Г.Короленко «Мгновение», 1900 г.

Василий Манченко

Санкт-Петербург

Эх...

Поменять бы вороньё на голубей,
Заселить бы рощи соловьями...
Пригласить бы стаю журавлей,
Чтоб летала клином над полями...

Но вороны голубей умней...
И кукушки — хитрые — заразы...
Ты прости, мой милый соловей...
Лишь бакланы, вместо журавлей...
Вместо бриллиантов — только стразы...

Максим Липянчик

Севастополь

Храбрая птица

Колосились бы поля, под небом все равны,
И текла б спокойною водой, широка река,
Да только закружили всё вихри-вороны,
Заслонили лучи солнца чёрны облака.

Разбежались все вокруг, в этом дне-ночи,
Лишь одна не тронулась птица храбрая,
Вороний крыльев звук запугал и всё молчит,
Лишь она не дрогнула, там одинокая.

Смело ринулась во тьму, в густую ту,
И разбила многих в пух да пёрышки,
И призывно пела бить погань подлую,
Да не оказалось у других силы волюшки.

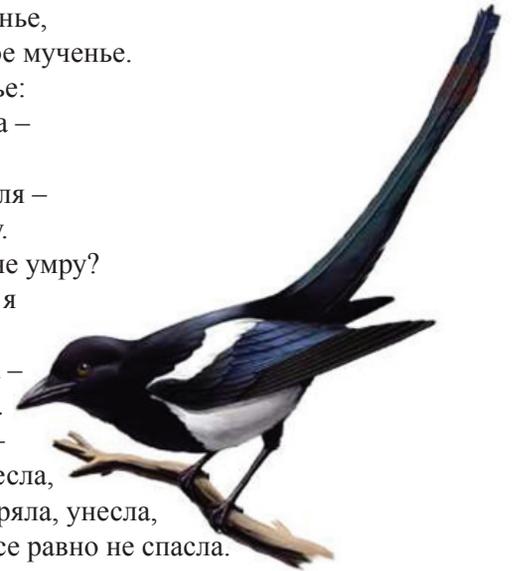
И понятно стало птичке храброй той,
Не отбрасывать ей больше наземь тень,
Но впитают в память зёрна золотой,
Славной птицы бой последний, в Беркут-День.

Ольга Попова

Санкт-Петербург

Сорочье

В черно-белом оперенье
Кому какое облегченье?
Только вести,
Как из мести
За мое долготерпенье.
Это летоисчисленье,
Что ни день — мое мученье.
Я роняю оперенье:
Белый день, зима —
По белому перу,
Ночь, тепло, земля —
По черному перу.
Отчего, кричат, не умру?
Видно очень зла я
И стара поутру.
Чем кому смогла —
Помогла по перу.
Только радости —
Никому не принесла,
Обронила, растеряла, унесла,
Крала, брала — все равно не спасла.
Окропил рассвет мне крылья,
И с криком
Эту весть я, как смогла, разнесла.
Обронила, замарала, смерть зазвала.
Где был белый снежок,
Там алеет пушок,
Всяк бежит, меня сторонится —
Принесло проклятую птицу!
Где на ветке сядет она —
Покачается...
Свет померкнет,
Жизнь кончается.
Вот закутаюсь в алый плед —
Проживу еще восемь лет,
Окунусь в зеленую плесень —
Проживу еще десять,
Серым, белым, голубым доберу.
Что добуду —
Плеском, блеском, вереском ототру.
День закрою — ночь отопру,
Ночь запру — день выйдет.

Лия Сергеева

Про любовь

1) если кошка –

Если кошка полюбит голубя,
полюбит смертельно – будет беда.
Нервы искрят проводами голыми:
путаница, чехарда.
Что может кошка ему дать? –
мягкий сильный охват лап?
вербный пушок хвоста?
не зная голода, голодного зла
кончиками усов – щекотать.
Кошка полюбит – взахлеб, взаправду,
полюбит зверски: загонит в угол;
похитить – и в тайне любить друг друга,
сбежать, уехать – в Ригу, в Прагу...

В тихой гостинице с окном на огни
пить молоко и есть зерно
(если не умрет – будет одно),
засыпая, перекачивать камушки-дни,
падающие на дно.

сентябрь 2012
Афонское подворье

2) если голубь –

Если голубь полюбит кошку,
каждым перышком – не шутя; –
немножко дико и страшно – множко
касаться мрака золотого когтя.

Самое страшное – признаться, принять,
сказать: Господи, ты признай меня
таким: погрязшим в горечь и суету.
Кошка идет по заросшей кривой дорожке,
я следом за ней пойду.

Если голубь полюбит кошку –
он будет надеяться на мир, тишину:
пить из одной чашки,
есть из одной ложки,
петь – песню одну.

Кого ты обманешь?
кого я обману?..

Любовь жаркая, до страха жадная
– искра в сухом лесу.
Жалко тебя, обниму, на руках тебя унесу,
голубь мой,
птица моя, страстью ужаленная.

Любовь – это когда тебя кусают,
а ты все равно целуешь в ответ.
Но утро проснется птичьими голосами.
твоего – нет.

декабрь 2012, парк Сокольники

Кселена Литвинова

Саратов

Жду тебя

Ты повесишь костюм аккуратно
И шагнешь по привычке к окну,
Я отдам тебе крылья обратно.
«Не летай только к солнцу», – шепну.

Там на синей небесной границе
Растворишься в шальных сквозняках...
А я в каждой кружащейся птице
Буду видеть тебя в облаках.

Не держусь. Не держу... Сердце комом.
Знаю, небо – твой истинный дом,
Он с моим общается домом
Лишь распахнутым настезь окном.

Я пришлю тебе солнце

За окошком на белой тесьме
Вышит нитью морозною лес...
Я пришлю тебе солнце в письме
Для замерзших под снегом небес.

Чтобы больше не жил ты во тьме,
Между тонких бумажных страниц
Я пришлю тебе солнце в письме
Для замерзших от ветра жар-птиц.

И в укор этой долгой зиме
Из весенних улыбок моих
Я пришлю тебе солнце в письме
Для замерзших ладоней твоих.

Ирина Силецкая

кандидат социологии
друг ДООСа
Москва – Прага – Крым

Медленный монах

Медленный монах свечу
Нес по коридорам гулким.
Страшно мне, но не кричу.
Ближе, ближе... В переулки
Старого монастыря
Будто гвозди забивали.
Черный призрачный наряд,
Тени от свечи метались.

На протянутых руках
Нес монах свечу к распятию.
И шагам неспешным в такт
Волнами качалось платье.
Капюшон скрывал лицо,
Ближе, ближе... Нос орлиный,
Губы сжаты, круглый лоб,
Взгляд его в глаза мне зимний...

Может, видит он меня?
Глубже вжалась в холод стен я.
Стены здесь века стоят,
Веры как оплот, терпенья.
Замерли шаги... Сейчас
Холод рук я на запястье
Вдруг почувствую? Пропать,
Окажись в его я власти!

Не дышу, глаза закрыв,
Сбивчиво молю спасенья.
Вот опять слышны шаги,
Воска на огне шипенье...
Удалялась тень, мышей
И теней металась свора.
Медленный монах свечу
Нес по гулким коридорам.

Л. О. Пастернак. Иллюстрация к поэме Лермонтова «Мцыри», 1891 г.

Михаил Вяткин

Вот Монах Он Стоя Идёт
У Него – Корзинка На Голове
Идёт Он За Спасением Очень Уж Пригодится! –
Слышал Место Есть Где Река Изгибается
Там За Каменной Стеной Закопаны Заветные Стрелы

Посмотрите Вот Он Какой Монах Стоя Идёт
У Него Корзинка На Голове
Стоя Чтобы Ангелы Заметили
Идёт А Корзинкой Можно Рыбу Ловить
Дорога Как Дом – Вот Какая! В Её Канаве Посидеть – Так
Праздник – Отдыхаешь Думаешь
– Эх Хороша Дорога! И Я – Рядом С Ней...

Вот Опять Этот Монах Стоя Идёт
Не Боится Он Сквозняка И Нечистой Силы –
У Него Корзинка На Голове
И Улов Неплохой Полюбуйтесь:
Рыба-Плотва Рыба-Окунь Рыба-Краснопёрка
А Ещё – Рыба-Коряга Рыба-Песок И Рыба-Человек
Дальше Идёт

Вот Он Под Корзинкой Вздохнул Тяжело Пот Утёр
Когда Стоя Очень Медленно Идёшь
Только Ба! Смотрите Дорога К Реке Повернула
Рядом Лошадь Голову Наклонив Травку Пожѣвывает
Лошадь Эта – Из Бронзы Или Из Меди И Скакать Не Хочет
Правда!

Значит До Монастыря Недалеко Осталось:
Лошадь-Дорога Лошадь-Сновидение Лошадь-Человек
И Ещё Чуть-Чуть

Тут Уже Песня Пригодится
Ну-ка Ангелы Запевайте!
Стоя-то Тяжело Идти
Ноги К Земле Прикручены
Молодцы! Хорошо Запели Теперь Дорога Сама Двигается
И Лошадь Рукой Машет На Прощание

Радуйся Монах Ты Стоя Пришёл
Вот Река Изгибается
Вот Белокаменная Стена Монастырская
Тяжкий Путь За Спinoй

Теперь Доставай Из-под Земли Стрелы Заветные
Будешь Воспламенять Человеческие Души
Недаром Боженька Твоё Лицо Под Корзинкой Разглядел

пусть все узнают какая у нас Вологодская губерния

*Кристина Зейтунян-Белоус (Париж, Франция)
«Ангел с яблоками».*

Андрей Вradий
ДООС

Помнишь?

ИЛИ

Заблудившиеся в классике

– Не знаю, кто такой Лермонтов, то есть знаю, в том плане, что я его не помню. Там были вроде герои времени или что-то в этом духе.

– Нет, был герой нашего времени.

– Один герой?

– Печорин! Печорин! Такой эгоистичный, хладнокровный, а на самом деле, наверное, такой добрый человек был.

– И какие-то там были повести, «Белла» назывались, кажется, какие-то встречи. Не помню про что.

– Я еще помню, что у него сплошные всадники и горы.

– Ну да. Так это называется «Повести Белкина» что ли? Подожди, я не понимаю. Или «Кавказская пленница» какая-нибудь?

– Нет.

– И кто такой Белкин был? Не помню.

– Печорин? Нет. Тогда нет.

– Печорин или Белкин? Что ты имеешь в виду?

– Нет, это Белкин рассказывал о Печорине. От Я он писал повести. Помнишь? И он все время сталкивался с ним в разных ситуациях. И там какая-то Белла была. Помнишь?

– Там Таманька какая то была. Помнишь?

– Какая Таманька? Так это повести Белкина? Или повести Печорина?

– Нет, это повести Белкина. А Белкин это, наверное, был стационарный смотритель.

– Да? Но это не тот, который пушкинский. Помнишь, стационарный смотритель, у которого барин увел дочку?

– Нет. А она была Беллой?

– Нет. А потом эта дочка стала стесняться своего отца, потому что он был смотритель. Что-то такое было.

– А-а-а... А кто такой Белкин, я не помню.

– Ну типа смотритель какой-то был. И он встречался периодически с Печориным. Помнишь?

– Встречался. Да, но...

– И его очень заинтересовал Печорин как человек. Он хотел понять, какой он человек, действительно эгоист какой-то страшный или нет.

– Н-у-у... а чем-то закончилось вот это?

– Тем, что он больше с ним не встречался уже.

– Да-а-а-а....

– Ну а как еще?

– Наверное, в принципе хорошее произведение.

– Да, нужно будет перечитать когда-нибудь.

Наталья Рожкова

* * *

Казалось: прожито так мало,
И даль незримая звала,
Я старше Лермонтова стала,
Но ничего не поняла.

– Можно... Только что перечитывать? Белкина? Или Печорина?

– Э-э-э... Нужно просто школьное сочинение найти какое-нибудь.

– И перечитать его?

– Ну да...

– Только помню, что героем нашего времени был Печорин. То есть не нашего времени, а времени Белкина.

– Времени Белкина? Герои времени Белкина?

– Да... Повести Белкина. У нас даже дома такая книга была. Не помнишь?

– Может быть, название помню.

– Это, видимо, нужно опять читать все...

– Ну да, заново...

Ch.Z.B.

«Шляпа-книга». Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж, Франция).

Из воспоминаний Н.М. Сатина

В 1837 году мы встретились уже молодыми людьми, и, разумеется, школьные неудовольствия были взаимно забыты...

Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать. Он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов; но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях, сам первый подсмеивался над своими любовями и волокитствами.

В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба – уроженцы города Чембара (Пензенской губ.).

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

– Да, я вот что скажу об вашем Вольтере, – сказал он в заключение, – если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом. Тщетно я уверял его, что Белинский замечательно умный человек; он передразнивал Белинского и утверждал, что это недоучившийся фанфарон, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, что проглотил всю премудрость.

Белинский, со своей стороны, иначе не называл Лермонтова как пошляком, и когда я ему напоминал стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина», он отвечал: «Вот важность – написать несколько удачных стихов! От этого еще не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком».

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

Про камень

«... кто-то камень положил
В его протянутую руку».
Михаил Лермонтов

«Постой минутку с протянутой рукой...
А если положат камень,
не обижайся...»
Геннадий Алексеев

У церкви стоят нищие:
Убогие, больные, сырые,
И среди них
Еще вполне крепкий мужик.

Проходя мимо
Слава Богов положил
В его ладонь камень
– За что? – спросил мужик смиренно.
– Не обижайся!
Начни строить
Дом
Или... крепость...

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

КИШИНЭУ

стихами музыкой вином
кишмя кишаций Кишинэу

он мне знаком и не знаком
он узнаваемый и неу-

знаваемый родной и за-
граничный — limba lei

... по дому тянется лоза —
глаза становятся теплее

18.05.2014

Кишинев

ЦЕЛЬ

она похожа на Данаю
а я похож на Сирано

она бежит — я догоняю
она лежит — мне все равно

мечта намного выше ели
пускай для рифмы слово ель

когда мужик добился цели
ему нужна другая цель

с младых ногтей и до погоста
найти б иголочку в стогу

все очень сложно очень просто
а я дурак бегу бегу

11.06.2014

ул. Черняховского

ОН ТАКОЙ

а что мы братец стоим?
а кем ты братец стал?

ты слыл вчера героем
а нынче — трибунал

и — перья камарильи
вершат жестокий суд

за что превозносили
за то и проклянут

а все же ты не пешка
ты презираешь страх

и горькая усмешка
играет на устах

10.06.2014

ул. Черняховского

Адела Василой (Кишинев) «Музыка цветных песков» (компьютерная графика).

БИНОМ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

(из цикла мифогонии)

«И это все происходит, думаю, оттого,
что люди воображают, будто
человеческий мозг находится в голове».
Н.В.Гоголь

Осенью и весной, как перелетные птицы, слетались заочники. И сразу знаменитая общага Литературного института, что на Добролюбова, превращалась в веселый сумасшедший дом, который заселяли не только авторы, но и их «герои».

И рано или поздно наступал момент, когда «героев» становилось больше, и они начинали властно вторгаться в жизнь. Всюду вставляли свои кондовые словечки, выбрасывали из окна носки и пугали призраком недописанных сюжетов, которого почему-то звали «Маша».

Как всегда, тон задавали поэты. Они стайками кружили по институтскому дворику, время от времени задирая клювы, чтобы почитать Космосу стихи. И тут же начинали обниматься и кричать: «Ний-ге... ний-ге...», – что, видимо, означало, что Космос их стихи «принял». Оставалось только угадать Слова, которые, казалось, носились в воздухе, как ожидание любви... «Нас мало. Нас может быть трое...»

А с высоты памятника на все это невозмутимо взирал Герцен, которого поэты почему-то старались не замечать, словно боялись сглаза.

Но Герцен уже к этому привык. Тем более, что сейчас он был в шапке-невидимке (а точнее, в тубетейке) из белого голубинового помета и очень похож на гастарбайтера, которых тоже стараются не замечать.

На фоне поэтов прозаики смотрелись тупо. Если не считать Жени Шиховцева, который приехал с бородой и выглядел веско, как готовый классик, от которого можно ожидать всего.

Ведь каждый прозаик – это книга. Пусть еще не прочитанная, а точнее, не написанная. И лучше всего начинать с повести. Или смело браться за роман. Рассказы не в счет. Все рассказы за нас написал уже Чехов, который после встречи с матерым человечеством (Л.Н.Толстым) втайне считал, что роман – это диагноз. Такой же, как перелой или *vesania*, от которых, конечно, никто не застрахован и лучше не рисковать.

А вот Достоевский взял и написал. И сейчас весь мир читает романы Достоевского, чтобы понять русскую душу, которую не понимает даже сам русский.

Ибо сегодня он Раскольников и готов убить, чтобы доказать, что право имеет, как какой-нибудь Наполеон или Чингисхан.

А завтра он – князь Мышкин и готов любить – любить авансом, наперед, так как многие люди не догадываются, что их можно любить и думают о себе плохо, а вследствие этого, вынуждены и поступать плохо. Поэтому понять русских может только идиот, которого Достоевский и сделал своим главным героем.

Но запад, ясное дело, на такое не пойдет, а значит и не понять западу русскую душу никогда, ибо это душа Бога, к которому именно русский почему-то оказался ближе всех.

Вот для этого и нужен прозаик. Чтобы объяснить человеку главное. А точнее, что такое счастье, которое, по большому счету, никто не отменял. Даже сам А.С. Пушкин, не говоря уже о Гоголе, из шинели которого выросли все настоящие прозаики.

Не ясно было одно – делать ли сначала свою биографию (как советовал классик А.М.Горький), а потом писать. Этому совету, например, последовал Юра Шарапов, который стал сперва олигархом, а потом начал писать какие-то таежные ужасы, которые происходили в его личной тайге, равной по территории нескольким европейским государствам.

Или сразу начинать писать, а потом уже делать свою биографию, если она вдруг понадобится для вечности, чтобы занять достойное место рядом с Борхесом и Кортасаром, если Павич на минуту выйдет покурить. А в курилке столкнется с тенью отца Гамлета, которая, прикрывшись крылом, скажет ему знакомым голосом Коли Коляды: «Хоть здесь еще эти «бу» (Условно ругательное слово, меняющее значение в зависимости от контекста) курить не запретили. А на Земле уже практически везде «бу». Сначала запретили курить, потом пить... а потом оказалось, что это уже не жизнь... Хотя, помнится, «бу», в театре «Одеон» мне все-таки разрешали покурить... «Беломор» Урицкого будете?»

– О, Белл Амор... это Белл Амор! – и Павич с улыбкой Чеширского кота начнет душистым табаком папиросы набивать свою эротическую трубку. Наверное, он будет думать, что это сон, который он увидел в другом сне, который раньше называли жизнью.

А пока главный вопрос стоял о матке... Точнее, о правде-матке, которая почему-то особенно Коле Коляде (будущему знаменитому драматургу и режиссеру) не давала покоя. Иногда на него просто какой-то Станиславский накатывал. «Не верю!.. – кричал, трагически отбрасывая рукопись за голову (где она попадала точно в руки Пашки Брычкова, который из уважения к бумаге, снова приводил ее в порядок). – Я вообще не верю, что можно кого-то научить писать... Не понимаю, что мы здесь вообще делаем...»

А на другой день, уже размахивая другой рукописью, кричал: «Это же гений!.. гений!.. А вечером он будет на

кухне жарить свои вонючие котлеты и кланчить окурочку пьяного поэта Ге...», – и Колька, обиженно надув губы, закурил «Белл Амор» фабрики Урицкого, который, по всей видимости, помогал ему входить в образ, которого он еще не знал. И сейчас это был образ раннего Маяковского из «Облака в штанах», слушая которого (нам на лекциях читали), Горький просто рыдал от чувств... А мы все будем потом писать о нем свои воспоминания, «бу»... Как с Рубцовым на кухне жарили свои вонючие котлеты, «бу». И вот и Рубцова уже нет, а вонючие котлеты есть... И наверняка были еще и до Рубцова. И самое страшное, что будут и после нас!.. Нас!.. От всего этого можно сойти с ума, «бу».

И мы еще какое-то время говорили о «котлетах вечно-сти», которые специально готовят в секретных лабораториях, чтобы сделать из нас настоящих писателей. Или наоборот... не сделать.

«Товарищ, майор, я этого не говорил», – «докладывал» на всякий случай в верхний ящик тумбочки Колька Коляда и смело убежал жарить вонючие котлеты, которые всеми тут же и поедались прямо с раскаленной сковородки.

И вот вам результат: сегодня Найк знаменитый драматург и режиссер, «бу», хотя мы тоже ели эти котлеты... Вопрос, видимо, как всегда, в количестве, которое рано или поздно должно перейти в качество, которое, в свою очередь, может в любой момент снова перейти в количество. И тогда Главный Лаборант принимает единственно правильное решение.

Просто котлет почему-то всегда меньше, чем писателей.

Самое интересное, что в нашей 306 комнате (если верить, конечно, слухам), в свое время действительно жил гениальный поэт Николай Рубцов, который на кухне встречался с другим гениальным поэтом Юрием Кузнецовым. Только они еще не знали, что гении. А может, и знали, но прикидывались... Чтобы раньше времени не спугнуть судьбу. Так же, как все, дурачились и хлестали водку, бегали за музами, а потом уже и от муз, которые, ввиду, о чем-то начинали догадываться и теперь спешили не упустить свой шанс.

Кто-то даже предложил на дверях каждой комнаты вывесить перечень фамилий всех ее прежних обитателей и посмотреть, кто из них на самом деле был гений, а кто прикидывался.

Не хватит места на дверях – сделать виртуальный макет общаги в интернете (завтра же заброшу эту идею в Лит. Институт). Чтобы с помощью клика «мышки» легко найти нужную комнату и фамилии тех, кто в ней когда-либо жил.

Еще клик – и вся информация об авторе. Как жил, кого любил, что и когда написал... Или мог написать... но, вместо этого, создал Международный Союз Неписателей*, что посчитал, видимо, важнее.

Можно даже, при желании, заглянуть в книгу, ибо текст это уже и есть биография, и скажет понимающему порой больше, чем чьи-то придуманные слова.

Получилось бы что-то вроде знаменитой Борхесовской библиотеки, которая будет бесконечна, пока бесконечным будет наш уникальный Литературный институт. А значит и наше не менее уникальное государство, и, в конечном счете, и вся наша цивилизация, которая уже начала из всех своих электронных библиотек составлять единый общечеловеческий файл. Скоро он станет частью Космоса, и мы все будем жить вечно, а может, уже и живем вечно, но это пока тайна. Чтобы народ раньше времени не начал паковать чемоданы.

Иногда, в комнату заваливал Толик Лунин – большой, громоздкий и слегка неуклюжий от своих размеров. Длинные прямые волосы то и дело падали ему на глаза.

Он писал необычные, словно вывернутые наизнанку, рассказы (сегодня их причислили бы к неореализму), которые бурно обсуждались на семинаре В.Шугаева, а потом они уходили в народ, как вещное слово первых христиан.

– На самом деле времени нет, – вбрасывал в пространство новый тезис Лунин. – Время – это условность, для удобства существования. Посмотри на животных (и он незаметно указывал на завернувшихся в одеяла с головами Брычкова и Коляду)... – Они совсем не знают, что такое время...

– Хорош, трепаться «бу»... три часа уже... – изнутри одеяла приглушено хрипел Пашка. – Завтра у нас зачет.

– ... И потому могут жить вечно, – неуклонно углублял мысль Лунин, невозмутимо созерцая, как Коляда в образе спайдермена гасит свет.

– Время останавливается для умерших, – в темноте уже подводил итог так славно развивающегося дискурса Лунин, и плелся на кухню в надежде отловить какого-нибудь недопитого поэта. Но в сумерках коридора ему попался лишь Геша Григорьев, который с помощью пивной бутылки искал свою комнату. Бутылка сама находила нужную дверь, и чей-то голос из Геши не то утвердительно, не то вопросительно мычал: «Здесь я...»

Лунин, конечно, помог брату поэту, буквально на лету перехватив самонаводящуюся бутылку, с которой Геша не хотел расставаться ни в какую. И сейчас Геше во что бы то ни стало хотелось открыть Лунину главную тайну ночи: «Нас мало... Нас может быть... двое...»

Но Лунин об этом и так знал. И сейчас пребывал в некоторой растерянности.

Только что вышла книга Валентина Сидорова «В поисках Шамбаль», которую, получалось, можно искать везде, даже в стенах нашего Литературного института. Так как, по одной из версий, Шамбала – это состояние души в момент соединения ее с Богом. Отсюда, найти Шамбалу – означало достичь просветления... чтобы не только ты увидел Бога, но и Бог заметил тебя. А для этого надо расширить сознание, которое раньше было точкой. То есть, полной тьмой. И тогда, в это расширенное сознание хлынет свет истины, который сперва ослепит и даже озадачит, и редко кому в, так называемый, первый «приход» удавалось увидеть, по словам Ницше, «танцующую звезду».

Вот этого Лунин больше всего и боялся. Разочарования боялся. Ведь, что такое Шамбала – это воплощение мечты, а его мечта была писать – писать так, чтобы у читателя сразу наступало просветление и он понял главное... которое, может, не каждому и надо понимать.

Другой вопрос – для чего писать? Чтобы изменить мир, который какому-то придурку вдруг начинал казаться не таким, и тогда приходили другие придурки, чтобы навести порядок. В итоге, третий придурок обещал исправить ошибки предыдущих придурков. И все повторялось сначала.

От такой перспективы Лунин даже бриться перестал.

Два дня питался одной только праной, если не считать энергии мыслей, которую где-то в области копчика усиленно вырабатывали невидимые энергетические установки.

На третий день, пошатываясь, спустился в душ, где встретил будущего олигарха Шарапова, который от счастья пел на каком-то непонятном языке. Но Лунин его понял – это была «Желтая подводная лодка» «Биллз».

«Заодно и помоемся!»), – вместо приветствия прокричал с подводной лодки будущий олигарх Шарапов.

И в этот момент в голове Лунина все сомкнулось. Слово точно в назначенное место стал недостающий пазл.

В этом мире нет логики.

А нет логики, потому что никто ничего до конца не знает.

Врач не знает, как лечить сердце, потому что не знает, как оно работает (где-то читал, что на самом деле задача сердца накачивать кровь пузырьками воздуха, чтобы этим кровяным шампанским заполнить объем сосудов в десять раз больший, чем объем крови).

Ученые до сих пор не знают, что такое ток, но вот уже столько лет используют его в уютгах и для охлаждения пива.

Историки не знают истории, которая с приходом каждого правителя всегда переписывалась заново.

Правители не знают, как править и спрашивают совета у всяких прорицателей – от шизофреника Нострадамуса до упыря Глобы.

Никто не знает, что такое счастье, но все к нему стремятся...

В последнее время, правда, стали помогать пришельцы. Ибо уже само предположение об их существовании под-разумевало, как минимум, наличие у пришельцев Плана (раньше это наличие предполагали у Бога, пришествия которого все устали ждать).

Но пришельцы тоже не смогли понять нашей логики (поэтому и не торопились), которой на самом деле нет. Порочный круг замкнулся...

И сразу все стало на свои места.

Пусть – круг. Пусть даже – порочный. Но в центре этого круга и есть Шамбала! А в центре Шамбалы...

И Лунин от торжества мысли запрокинул голову навстречу самой загадочной и непонятной на земле субстанции – воде, которая (о, Господи, как просто все!) и является связующим звеном космоса, а значит и всех жизней, которые когда-либо были, есть и будут.

Теплые упругие струи били точно в самую верхнюю чакру Сахасрару, и он задним умом еще успел подумать, что в центре Шамбалы тоже должна быть вода, много воды, причем, не простой, а особой воды – которая знает Все...

– Ты бы еще пальто надел, – посоветовал мимо пробегающий на цыпочках будущий олигарх Шарапов, который из принципа старался ничему не удивляться (этому его на востоке научили китайцы, ибо удивление в чем-то сродни поражению, так как в момент удивления человек теряет над собой контроль. А значит кто-то может этим воспользоваться). И сейчас совсем не удивился Лунину, который стоял под душем в свитере, штанах и ботинках. И тоже пел про желтую подводную лодку.

Но если нет логики, то что же тогда есть? А есть сон, который с одной стороны – часть жизни. С другой – это часть жизни, которой еще не жил. Поэтому и логика в сне не обязательна.

Так, может, и остальная часть жизни тоже сон? Только сон более высокого порядка, и вполне возможен сон во сне, который открывает человеку такие бездны, что можно сойти с ума... А точнее – выйти за пределы разума, где мысли уже не понадобятся человеку... А человеку – его мозг (все тот же закон отрицания отрицания, который еще никто не отменял), которым он думает, что думает... А на самом деле, ему и думать не обязательно. Ибо думает за него кто-

то другой, а человек только воспринимает его мысли, как детекторный приемник (об этой гипотезе он прочитал на клочке газеты в литинститутском туалете и еще какое-то время вращал головой, чтобы проверить в ней наличие антенны).

Но стены старинного особняка Герцена, по всей видимости, пропускали только волны с того света. А выйти на связь с любимым Гоголем он, Лунин, был пока не совсем готов.

Он даже специально поднялся на седьмой этаж общаги на Добролюбова, чтобы проверить возможности своей антенны. И сразу подумал о маленьких желтых человечках (скорее всего, с ВЛК – вьетнамцы, а может и не вьетнамцы, но очень похожи), которые, как всегда, жарили свою вонючую селедку, что можно вполне делать и на желтой подводной лодке... из другого сна...

Впрочем, эта мысль догнала его уже потом, когда связь с неведомым Центром по мере снижения этажности ощущимо пошла на убыль.

В таком случае, где находится сам Центр? И кто из Центра посылает этот вопрос, от ответа на который и будет зависеть...

Да все будет зависеть!..

Например, почему мысль изреченная есть ложь? Получалось, пока она (мысль) была в голове, она была не ложь, а только выходила из головы – сразу превращалась в ложь...

И все начинали думать, что виновато Слово, которое оказалось не готово ни точно передать мысль, ни чувство. Что-то типа испорченного телефона, когда думаешь одно, говоришь – другое, а на выходе почему-то «Made in China».

А ведь это Слово дал человеку Бог!..

И здесь Лунин почувствовал, что приблизился к чему-то такому главному, что лучше, пока не поздно, повернуть обратно, и в срочном порядке перечитать рассказ Борхеса «Ундр», который он тогда не понял...

Но чакра Сахасрара уже предусмотрительно закрылась. Словно «там» тоже решили перечитать рассказ Борхеса «Ундр», чтобы сыграть на опережение.

В 306 комнате пахло вечностью.

Так всегда пахнет «Бэлл Амор», когда все бычки выкурены, и нюх обостряется до звериного, чтобы сразу взять след. И на конце этого следа должен оказаться Коляда Коляда, которого он, Лунин, уважал за рассказ «Кашкалдак»**.

А точнее – за название рассказа, который с таким названием можно и вообще не писать. Ибо в каждом языке есть свои слова силы, которые, словно заархивированное в одной точке Все. И даже начал искать такие слова (которых, по идее, и не должно быть много), чтобы из них составить особый словарь Силы.

И главное слово, конечно, было – Шамбала.

– Теперь нашего Сидорова можно смело называть Махатмой, – как всегда, издалека начал Лунин и уже в следующую секунду знал, что у Коляды есть «бычок»... – Я только не совсем уверен, может ли Махатма быть без бороды?..

– У Носова вон тоже борода, но это не значит...

– Значит... Борода мно-гое может значить, – сомнамбулически сказал доктор, так как в эту минуту писал роман. В своей голове. *И сейчас главный герой романа по имени Сликс в аккурат раздумывал – сказать или не сказать Зое, как ему казалось, неотразимые слова: «Ввожу миноносец в устье амазонки...»**. – Борода – это фалли-

ческий символ, и тот, у кого больше борода (и все непро-извольно посмотрели на бороды Носова и Шиховцева)... Хотя, с точки зрения психоанализа... борода – это амби-валентный символ, указывающий на мудрость и сакраль-ную власть... но также на сокрытие истины и обманутые надежды...

И доктор благополучно вернулся в роман, в котором вот-вот должно было начаться самое интересное.

– Да, зря я, конечно, в медицинский не пошел... – опу-стело сказал Носов. – А то вот так живешь и ничего о себе не знаешь...

– Раньше писателя без бороды и за писателя не считали, – мрачно исторг писатель монументалист Пашка Брычков.

«А почему тогда на мертвяках борода растет?..» – еще хотел спросить Коляда, но эта «бу» из рассказа «Кашкал-дак» снова оказался первым:

– Махатма – пыздыр максымардыш пыж**...

– Что он сказал?..

– Он сказал, что Махатма – это учитель, у которого есть свой Махатма... – не задумываясь, перевёл Лунин. – У того тоже есть свой Махатма... и может получиться, что круг замкнется... и ты станешь Махатмой своего Ма-хатмы...

– В таком случае, Махатма Павел, – неожиданно хлоп-нул в ладоши доктор, – раз мы все здесь немного Махатмы, твоя очередь ставить на кухне чайник.

– Это что – гипноз, да – гип... нос? – заотпорничал сра-зу Пашка.

– Да, это гипноз, – утешил его доктор.

И Пашка с черным от копоти чайником покорно побрел на кухню добывать огонь. Остались только тапочки, кото-рые были, как немой укор.

– Зря я все-таки в медицинский не пошел... – словно очнулся Носов.

– Резал бы сейчас трупы... Изучал мочевой пузырь...

– Чтобы стать потом писателем ухо-горло... носовым...

– Может, и в самом деле, послать Носова за пузырем...

Расширить немного сознание... – и Вовка Щенников, ре-шительно захлопнул книжку на английском, которая на время сессии заменяла ему женщину.

– Носов не пойдет, – сказал Носов.

– Это почему же Махатма Носов не пойдет?

– Потому что Носов не пьет, – сказал Носов.

– Плохо, Махатма Носов. Все Махатмы будут пить, рас-ширять свое сознание, а Носов, как всегда... изучать мо-чевой пузырь. Нет, так в нашей Шамбале не поступают...

– Да загипнотизировать его, «бу»... – тут же нашелся Коляда. – Будет каждый вечер нам за пузырем бегать...

– Ид-дея, конечно, хорошая, н-н-о... вредная, – те-рапевтически вмешался доктор. – Я уже давно заметил – всякая хорошая идея рано или поздно начинает при-носить вред. Что-то вроде закона вытеснения в природе, когда умный оказывается дурак, чтобы дурак не оказал-ся умным...

– Даже сама мысль о том, что мы можем выпить, но не можем... уже способна расширять сознание... – сказал Женя Шиховцев, терпеливо дожидаясь, пока Коляда закон-чит конспектировать в свой замусоленный «писательский» блокнот. – Ибо, как говорили древние: «Владею, потому что отказался...».

– А можно в гипнозе внушить, что Носов – Чехов? – глядя на Коляду, спросил Лунин, и в следующую секунду уже знал, где Коляда хранит бычок.

– В гипнозе все можно... – веско сказал доктор. – Мож-но даже внушить, что Носов... собачка из повести Чехова «Дама с собачкой»...

– А вот это уже интересно...

– Что интересно?

– Что дама, так сказать, с собачкой...

– Особенно, если собачкой станет Носов...

– Тогда повесть будет называться «Дама с Носовым»...

– Давайте сначала сделаем из Носова писателя, а там посмотрим... – конструктивно предложил Щенни-ков. – Из писателя всегда легче сделать собачку, чем на-оборот...

– Если надо держать или рауш наркоз какой... – и Ко-ляда предусмотрительно вынул из-за уха заначенный бычок.

– Нет, держать не надо. Просто я введу в него програм-му... Считайте, что я ее уже ввел... – и доктор в подтверж-дение защелкал пальцами перед остановившимся взглядом Носова.

– Готов...

– Что значит готов?..

– Уже в Шамбале... Распаковывает, так сказать, чемо-даны. Просто в Шамбале нет времени, и в первый момент трудно сообразить, куда тебя занесло. (*и далее изменив-шимся голосом*) А сейчас, писатель Носов, нам немного почитает из своей последней книги...

– ... Почитает...

– Как, кстати, называется ваша последняя книга, писа-тель Носов?..

– ... Называется...

– Все понятно... У книги еще нет названия... И это хорошо... что нет названия... Значит мы присутствуем в самом начале зарождения будущего произведения, которое станет потом...

– ... Потом...

– Да, конечно... ведь каждое произведение это, можно сказать, кровь, пот и слезы своего создателя...

– Еще была такая группа – «Blood, sweat and tears», – пораженно прошептал Щенников.

Но в эту минуту Носов заговорил... Только голос у него был какой-то странный. Словно и не Носова совсем голос:

– *Матери пьют... дети пьют... церкви пустеют... отцы разбойничают...*

Бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли... а в кабак приняли!

– Что... что это бы...? – спросил чайник, который слов-но повис отдельно от Брычкова

– Гипноз это, Паша, был... Обыкновенный гипноз... – удрученно сказал Щенников.

– А, по-моему, это было что-то из классики, – сказал Лунин. – Но только не Толстой...

– В конце концов, можно у самого Носова спросить...

– Поздно... – с улыбкой Франкенштейна сказал доктор.

– Что поздно?.. Почему поздно?.. – возбужденно под-бросился к нему Коляда.

– Носов уже вернулся...

– Откуда вернулся?.. Я что-то не совсем врубаюсь.

– Из Шамбалы, вестимо...

– Это Пашка со своим чайником помешал... У, кержац-кая твоя морда, не мог еще на кухне задержаться...

– Да у меня ноги начали мерзнуть...

– А Носов, что Носов, – сказал доктор, снова меняя го-лос... – *Он уже здесь и сейчас... будет пить чай, который так вовремя нам принес махатма Павел...*

– Носов будет пить чай... – повторил Носов.
– Можно, в конце концов, у Носова спросить... – предложил Щенников.
– Зачем спрашивать – я вам и так скажу, – просветленно сказал Женя Шиховцев. – Это из Достоевского... из сна титулярного советника Поприщина... Но, если надо, можно уточнить...
– Не надо... – сказал Коляда.
– Что не надо?
– Уточнять не надо... Я играл Поприщина и могу продолжить с любого места...
– Тогда... – и доктор обвел всех бездонным взглядом: – Может, кто-то еще хочет стать писателем?..
И тишина поспешила ему ответить:
– «Бу»...

О Лунине вообще разговор особый.

Сразу после окончания института, он каким-то образом оказался в Европе. Скитался по разным городам и странам. Ночевал, где придется. Чаще – на куске картона из соседнего супермаркета. Здесь же, на заднем дворе, находил еду, слегка просроченную, но вполне съедобную. Кто-то заботливо выставлял ее для таких, как он, недочеловеков.

Из соседних домов приносили одежду. Все вещи были фирменные и почти новые. Некоторые даже с ценой на бирочке. Честно говоря, никогда он еще так хорошо не одевался. Вот бы в этих вещах нагреть в Москву, к жене и детям, чтобы не думали, что...

К сожалению, это невозможно. Свой паспорт он (по совету опытных товарищей, которые себя почему-то называли «сталкерами») в первый же день закопал на старом еврейском кладбище. Но так было надо, чтобы не депортировали обратно... «в зону» (или «из зоны»), как ему популярно объяснили «сталкеры». А без паспорта он для полицейских никто и звать его никак.

Хотя паспорт, конечно, вещь хорошая. Особенно немецкий. По такому паспорту можно прийти в ночлежку, помыться, а утром получить завтрак и немного денег на проезд... в другую ночлежку. А в Амстердаме еще выдадут картонный гроб, чтобы культурно так отправиться в мир иной. В таком гробу тебя никто и тронуть не посмеет, даже на вокзале и в метро.

Но гроб – это уже собственность. Целый день потом носишь с ним... А картонку утром выбросил и снова свободен, как птица. И каждый день начинается новая жизнь.

И сейчас Лунин раздумывал о свободе воли. Насколько эта свобода может зависеть от сценария, так сказать, автора. И может ли герой, в случае чего, вмешаться в сценарий, если в другом сценарии... надо пить водку, чтобы разрушить первый сценарий...

Но «автор» сумел и это предусмотреть. Вот для чего ему нужны «сталкеры» такие, как он, Лунин. Их можно в любой момент use, чтобы сохранить главный сценарий. Ведь, если есть бог, то никакой свободы воли нет. А, значит и необходимости нет. Просто нам хочется думать, что мы нужны для каких-то высших целей, которые знает только Бог.

А пока он находился как бы между...

Один сценарий еще не закончен, второй – пока не начат, но, в принципе, возможен третий и четвертый...

В этом месте Лунину остро захотелось закурить, так как очень просилось слово «бесконечность», которое он терпеть не мог с детства.

Это слово разрушало все, к чему бы оно ни прикасалось. В том числе и человека. Он даже знал такого человека, который закончил два института (совсем, как он, Юрий), а потом сошел с ума... чтобы заняться «бесконечностью» всерьез.

Начал с простого – с надувания шарика, который исчезал быстрее мысли, но деформация пространства сохранялась, и он в это деформированное пространство погружал различные предметы, пока в него не залетела муха. Но как-то сразу потеряла ориентиры и на форсаже врезалась в книгу без начала и конца, в которой кто-то по мере прочтения отрывал страницы.

«Утрать все — и ты достигнешь всего», – было написано в том месте книги, в которое ударились муха, чтобы сказать ему главное.

Значит он был на правильном пути.

И сразу начал стремительно утрачивать все эти бессмысленные вещи, которые только отвлекали и запутывали жизнь.

Пришлось, правда, немного повозиться с бумажками под названием «деньги», которые вели себя с бесконечностью как-то странно и даже казались частью этой самой бесконечности, словно ее можно было купить

Ведь, кто такой Бог? Та же или продать. Чтобы заработать еще больше «бумажек».

Но еще до этого он успел благополучно разделаться со своим шефом по работе Бобрецовым, сомнительным фантомом «любовь» и, связанной с этим фантомом, девушкой по имени Таня... своим неблагодарным городом «Мо» и с еще более неблагодарным государством «Бу»...

Затем, сделав небольшую передышку перед решающей схваткой с миром (надо было поддержать жизненные силы загадочным препаратом на букву Ё, только наоборот... «мумиё» – название), с чувством даже некоторого морального удовлетворения приступил к Богу. бесконечность, которую нельзя объять разумом, как и самого Бога.

И в этом, конечно, сила Бога, но и его слабость. Ибо, как можно любить то, что невозможно даже представить?

И тут ему явилась истина, которая казалась сильнее мысли.

Он понял для чего Богу понадобилась «бес...конечность» (А с нею и человек, как казус этой «бес...конечности»).

Чтобы сделать бесконечным разум, который сможет объять, а значит и полюбить Бога...

Которому просто не хватало любви.

Днем Лунин немного «подрабатывал» на папертях знаменитых храмов, прося подаяние. Затем как творческий человек слегка усовершенствовал сей процесс – начал рисовать и продавать ангелов. Теперь он был не просто бомж, а почти художник. Ангелов покупали. Они разлетались по всей Европе, чтобы радовать людей и детей. А вот у Лунина с некоторых пор начались проблемы. Кто-то из завистников сообщил в полицию, что Лунин и есть тот самый знаменитый серийный убийца, которого вот уже который год безуспешно ищет вся Европа.

Поначалу он даже обрадовался, что полиция его «нашла».

Впереди зима, дождь и слякоть, а тюрьмы в Голландии лучше, чем санаторий в какой-нибудь богом забытой Пицунде, в которой Лунин никогда не был, но почему-то запомнил, как Колька Коляда рассказывал.

Он тогда только что написал свою первую пьесу «Игру в фанты», и министерство культуры послало его подальше в эту самую Пицунду, чтобы хоть на время дал остыть своей печатной машинке (С таким символическим, как теперь казалось, названием «Москва». А то Колька эту «Москву» уже на полном серьезе начинал воспринимать, как хитрое устройство для извлечения денег при помощи пальцев рук (он к тому времени добился вставки в машинку восьми «закладов»).

А здесь и библиотека, и тренажерный зал, и медицина. Его уже осмотрел тюремный врач и дал понять, что зубы он берет на себя. Еще обнаружили искривление позвоночника и подошвенную бородавку, о которой он не подозревал. Но это все ерунда.

Самое главное – наконец он, Рюрик, получит возможность писать.

Место действия Европа. Время действия...

О времени разговор особый. Лично он, Лунин, в этом времени, можно сказать, не живет. Он наблюдатель. Люди проходят через его жизнь, десятки, сотни людей за все эти годы. И кто-то из них обязательно станет его будущим героем. Некоторым даже не надо придумывать имена.

Уже выстраивалась архитектура самого романа. Она была похожа на архитектуру готических соборов. Ибо собор – это гармония. Вершина человеческого духа, хотя, в какой-то степени и гордыни тоже. Только в соборе его посещало это, ни с чем не сравнимое ощущение вечности, для которой время не имеет значения. Впрочем, потому и не имеет, что его просто нет.

Сперва его долго и нудно допрашивали. Пытались выяснить, какой язык для него родной. Присылали даже каких-то экспертов, которые высказали предположение, что он француз... немецкого происхождения или наоборот.

Потом начали знакомить с томами материалов дела. В этом ему помогала переводчица – симпатичная полногрудая голландка – Ирис, которая знала пять языков и сейчас изучала иврит, который, как сказал ей один умный человек, очень похож на компьютерный язык и вообще... на язык пришельцев, которые живут среди нас... и только прикидываются людьми...

В такие минуты в Лунине просто отключался слух, и он зачарованно смотрел, как двигаются ее губы, по краям которых уже наметились первые морщинки.

Потом опускал взгляд ниже... чтобы от шрамика на подбородке на долю секунды заглянуть в глаза, в которых отражалось небо, которого он давно

не видел, а она принесла его с собой, и в которое лучше не смотреть, чтобы не думать, о чем ему и не полагалось думать. Но он думал и знал, что она знает, что он думает...

И тогда она (чтобы сбить его с мысли, а может и себя тоже) доставала сигареты. Сразу две... и, слегка вытянув свои красивые губы (чтобы он смог увидеть, какие они красивые), щелкала зажигалкой, с прищуром затягивалась дымом, и, словно в каком-то им одним известном ритуале, передавала одну сигарету ему... И он успевал заметить алый цвет помады на белом, прежде чем почувствовать этот вкус... который уже когда-то знал, но сейчас не вспомнить...

От первых затяжек сразу начинала кружиться голова, и тогда он искал ее взгляд, чтобы снова заглянуть в небо.

Иногда начинало казаться, что все это происходит не с ним, а во сне, который ему надо во что бы то ни стало досмотреть, чтобы понять, что будет дальше... в другом сне, в котором он еще не жил.

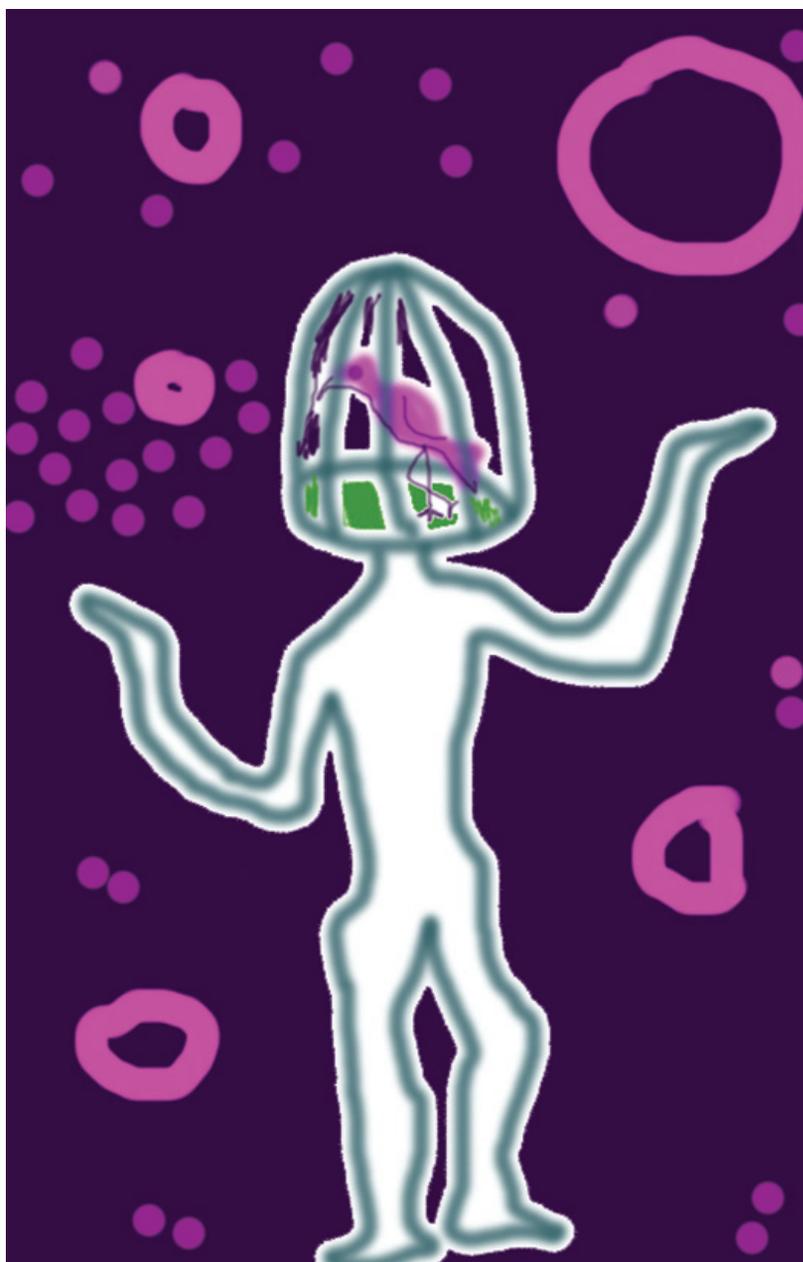

Рисунок Юрия Косаговского специально для ПО.

А Ирис... это как бы связная между снами. И даже не сама Ирис, а ее сигарета, которая исчезает в никуда, как исчезают все слова, которые, в сущности, не совсем ее, а каких-то десятков и сотен невидимых людей, для которых он, Лунин, тоже связующее звено, только более высокого порядка.

Но так всегда бывает, когда в романе появляется герой, которого словно влечет неведомая сила. И теперь все будет зависеть от того, какое она (сила) выберет для своего героя имя... Скорее всего, это будет – Марк... Дютру, фамилия или «чудовище из Шарлеруа» – маньяк, убийца и насильник, о котором тогда писали все газеты. По разным городам Европы исчезали дети и молодые женщины. Полиция оказалась бессильна. И чтобы хоть как-то оправдать свое бессилие, начала доказывать, что орудует мафия. И не просто мафия, а глубоко законспирированная организация педофилов, нити которых тянутся на самые верхние этажи власти...

Дютру лишь верхушка айсберга.

А кто же тогда он, Лунин?

Вот в этом полиция и пыталась разобраться.

Ему даже устроили очную ставку с Дютру, который что-то там сказал, и в этом «что-то» отчетливо прозвучало «Гай», что могло быть и именем, и английским словом «парень».

Во всяком случае, на допросах его теперь называли «гай». Следователи были тоже неплохие «гайс». Просто они делали свою работу. В эту работу входило задавать вопросы, на которые он мог отвечать или не отвечать (что тоже считалось ответом, из которого делались свои выводы).

И тогда наступал момент истины. Из большого желтого пакета извлекались фотографии, и перед ним начинали раскладывать всю эту жуть.

Фотографии были цветные и сделаны мастерски. Даже можно было рассмотреть, как из глазницы присыпанного землей черепа выползали муравьи...

На какой-то по счету из этих фотографий ему стало плохо, но для допроса это считалось хорошо. Или, как говорил следователь Свен – «prikken», реже – «doorboren»... когда он на какое-то время отключался.

А по весне его начали возить по местам его прошлых «преступлений».

Так он посетил Францию и с десяток schattig городков в разных уголках Европы.

Внешне все походило на съемку фильма, названия которого он еще не знал.

Сначала осмотр места «происшествия» или «ongevallen»... Потом ему показывали, как он это «ongevallen» совершал (согласно данным различных экспертиз и прочим материалам дела).

Оставалось только все это повторить на камеру, причем, без права на повторный дубль. Как в фильмах его любимого Феллини, в которых абсурд снов порой оказывался сильнее правды жизни.

Может, и в самом деле ввести эти пленки в роман, который будет, скорее всего, на стыке жанров – литературы и кино, с цезурами готических соборов и тайным кодом затертых витражей.

Впрочем, лучшие витражи по-настоящему никто не видел, ибо во время мессы всем положено смотреть вниз. Вверх смотрят лишь те, которые потеряли веру или почти готовы ее потерять. Их глаза пусты, как глаза химер и демонов на фронтонах соборов. Или, как глаза всех этих... Чуть было не сказал «убийц»... Но все они убили себя еще раньше. А, может, они и родились уже мертвыми?

Хотел даже поделиться своим открытием со следователями. А потом вдруг понял, что они тоже... мертвые. Только этого не знают. Или знают, догадываются, но не в силах что-либо изменить.

Бесконечность всегда подкрадывается незаметно. И попен может легко превратиться в open.

Он, Лунин, тоже, конечно, не сидел сложа руки. Листал какие-то газеты, вглядываясь в чужие лица, словно старался найти в них что-то неуловимо общее, что заставляло совершать все эти «ongevallen», от которых просто леденела кровь.

В одной статье писали, что *серийный убийца умело носит маску нормальности, позволяющую совершать преступления, не вызывая ни малейших подозрений.*

Это может быть почтенный отец семейства, примерный супруг, уважаемый гражданин, общественный деятель.

В другой статье писали, что *серийным киллерам присуща способность к манипулированию людьми. Они, когда им это нужно, умеют быть обаятельными и внушать полное доверие жертве, которая безропотно следует за киллером куда угодно.*

Завел даже специальную тетрадку, в которую начал записывать выдержки из различных, что называется, «источников».

Серийные убийцы обладают феноменальной памятью, многие через несколько лет могут не только показать место своего «кровавого выступления», но и в деталях описать одежду, украшения и внешность жертвы

Но поскольку серийные убийцы – социопаты, у них никогда не образуется стойких привязанностей.

И Лунин какое-то время думал о своих «стойких привязанностях», которых у него, получалось, почти не было. Если не считать жены Ольги, «стойкой привязанности» к которой хватило ровно на три года, пока не появились дети, которые часть этой «привязанности» взяли на себя. А потом он уехал в Амстердам, и за семь лет от этих «привязанностей» остался только сон, который его недавно настиг на рассвете...

Он, как всегда, пришел со своей картонкой в Вонделпарк в поисках места для ночлега. В принципе, у него было это место – под летней эстрадой (если дождь) или на лужайке (Вонделпарке попугаев развелось немерено, и под деревом уже не поспишь. Ибо срут попугаи тоже немерено, и после такого экстремального ночлега тебя даже полицейские начинают обходить стороной, и это, конечно, плюс. Но ту же милостыню на паперти уже и не попросишь...), где точно так же ночевали другие «сталкеры», которые, как и он, оказались «в промежутке» между сценариями и стремились побыстрее закрыть глаза.

...Он, конечно, узнал их сразу. Это были его дети. Наверное, привезла жена Ольга – показать отца... «сталкера». Просто время в Европе летит быстрее. Он понял это совсем недавно. Но дети об этом не знали и совсем не изменились.

Первым делом, конечно, к деревьям – на попугаев посмотреть. Но сразу поняли, что от этих красавцев лучше держаться подальше и стали убегать через зеленую лужайку...

А потому убегать, что за ними гнался какой-то «бу». Он бежал огромными шагами, как Гуливер за лилипутами, и, казалось – от него нет спасения, потому что это был... Марк Дютру!

Он бежал и кричал на разных языках самые страшные слова, а дети думали, что с ними играют и... смеялись. Они смеялись над «чудовищем из Шарлеруа»... Смеялись над его допотопной шляпой и разлетающимися полами плаща... Они смеялись над Дютру!..

А он, Лунин, умер... чтобы остановить время и упредить Дютру с обратной стороны действия, которое еще не произошло. Но в какой-то момент понял, что не успеть – вот-вот случится самое ужасное... и об этом «ужасном» его следователи Свен и Брам будут завтра снимать фильм, в котором он должен стать... Дютру... И тогда Лунин начал звать своих детей!..

Но только беззвучно, как рыба, открывал в немом крике рот.

Он не мог вспомнить имена своих детей!..

...Которые тоже стали попугаями, чтобы затеяться в зарослях Вонделпарка... потому что они не хотели быть людьми. А значит и все эти стаи разноцветных попугаев – это тоже чьи-то дети, которые слетелись в Вонделпарк со всех уголков Европы... чтобы спастись... потому что родители оказались не способны их спасти.

А утром в газете прочитал, что «чудовище из Шарлеруа» – Дютру, суд над которым обошелся в несколько миллионов евро, бежал из зала суда. И что дело получило политический резонанс: 300 тысяч родителей вышли на «Белый марш» протеста, и правящая партия подала в отставку. Он, Лунин, даже догадывался, где искать Дютру. Но передовые отряды зеленых македонских попугаев обнаружат его раньше.

Теперь он знал, что все серийные убийцы действуют по одному и тому же сценарию, который делится на фазы.

Всего этих фаз было семь.

Первая фаза называется «фазой ауры» – когда у серийника зарождается фантазия, которую уже не остановить. Днем и ночью она преследует его во снах и наяву, обрастая все новыми и новыми подробностями.

И рано или поздно наступал момент, когда то, что происходило у него в голове, начинало казаться важнее жизни, в которую выпадал лишь за куражом, да за дешевым пойлом, пока в воспаленном мозге выстраивался весь сюжет.

Оставалось только ввести в действие «героя».

И здесь Лунин испытал настоящую... Шамбалу!

То самое состояние души в момент соединения ее с Богом. Словно сам всевышний вдруг захотел заглянуть в его, Лунина, душу, чтобы познакомиться с ним, что называется, вплотную, но в ужасе шарахнулся обратно... в тьму. Ибо Лунин успел напихать в свою душу такого дерьма, что порой и самому становилось страшно.

А, может, это была не Шамбала, но ясность в голове возникла необыкновенная. Он даже понял, для чего «герою» нужна «жертва» (которая, в сущности, и делает его «героем»).

Ведь потом и сам «герой» становится «жертвой»... Бога, который, в свою очередь, становится... «героем»... Господи, как просто все!

Всего две кнопки правят миром и каждым человеком в отдельности. Сегодня ты «герой» («да»), а завтра – «жертва» («нет»). Все остальное – промежуток, который мы привыкли называть жизнью. И вот сейчас он должен в этом промежутке обнаружить свою «жертву», которая еще не догадывается, что она «жертва» и думает о привычной сво-

ей ерунде: что купить на ужин? Или – как она будет выглядеть в этом вечернем платье... если волосы подобрать с шеи вверх... чтобы можно было увидеть, какая она у нее... почти детская, с непослушным завитком, словно созданным для поцелуя, который означает «да».

Серьги Сваровского – тоже «да», но с правом на выбор по обстоятельствам, который она оставляет за собой, чтобы не совершать, а точнее, – не повторять, ошибки.

Она уже давно заметила, что «блеск» привлекает строго определенный тип мужчин и женщин, которым не нужны слова. Тем более что серьги Сваровского, которые ей купил... а на самом деле, купила она себе сама... в сумерках сверкают еще ярче.

Он даже не сомневался, что узнает ее сразу – по взгляду, по жесту... По тени ускользающего в бесконечность тела, словно между ними уже установилась невидимая связь.

Но бесконечность он берет на себя.

Ибо с этой минуты он охотник, чтобы сразу взять след...

Как ни странно, в основном серийные убийцы вовсе не отвратительны и отнюдь не неприятны. Они не запугивают свою жертву, принуждая подчиниться, а понастоящему соблазняют, чтобы потом погрузить её в ад.

Эта стадия сценария называется фазой «сталкинга».

Характер, продолжительность и другие особенности поведения киллера на этой стадии зависят от силы его желания и степени нетерпения, личностных качеств как самого преступника, так и выбранной им жертвы

А потом он должен стать хищником – самым страшным из всех хищников когда-либо существовавших на Земле – Человеком... который зачем-то понадобился Богу...

И Лунин просто содрогнулся от смутного предчувствия догадки, которая где-то рядом... совсем рядом... сразу за словами Декстера, которые были похожи на манифест:

«Я – Декстер. Декстер Морган. Я работаю судмедэкспертом в полиции Майами. Я не понимаю любви, мне безразличен секс, и у меня нет чувств. А еще я серийный убийца. Мой отец был полицейским и прекрасно обучил меня прятать улики. Обычным гражданам не стоит меня бояться, я убиваю только преступников, подонков, до которых почему-либо не смогла или не захотела добраться полиция. Я убиваю их, аккуратно распиливаю на части, и избавляюсь от трупов.

Убийство для меня – творческий акт, искусство».

Видимо, Декстер тоже что-то такое чувствовал, только не смог сформулировать, так как был практик. В сущности, они все практики, которым не дано понять смысла. Да и зачем? Если это сделают за них другие.

«Гормональные вспышки, которые происходят при актах насилия, усиливают психоэнергетику. Хищник, уничтожая жертву, выделяет из нее биоплазмид, поглощает его, резко увеличивая свой биоэнергетический потенциал. Эта колоссальная энергия химического типа, она питает организм преступника, но разрушает его личность. Такого рода хищническая энергоподпитка – замена наркотиков и алкоголя».

Какое-то время сидел, бездумно глядя в пустоту ночи. Потом кто-то начал двигать его рукой, пока из ничего не появилась... рыба... Оставалось только дорисовать глаз и специальными словами привести «рыбу» в действие, и тогда она исполнит любое его желание.

Одним движением скомкал «рыбу» и брезгливо отбросил ее на стол. И пока она с шуршанием пыталась распрямить плавник, чиркнул спичкой.

Откинув волосы, с прищуром смотрел в огонь, от которого по стенам плясали срамные тени. Ему даже показалось, что одну из них он почти узнал, но это было уже в другом сне.

За два года, проведенных за решеткой, Лунин окреп, сделал себе зубы. И даже почти закончил первую часть романа, который назвал...

Но, как любит говорить его брат по разуму Коля Коляда, – «дуракам пол работы не показывают».

И тут грянул гром. Во Франции поймали настоящего серийного убийцу.

И его действительно звали Гай... Он убивал женщин по всей Европе, подчиняя своей воле гипнозом. Но одной из них каким-то чудом удалось убежать.

Пока выясняли и разбирались, прошло еще полгода. И Лунина вынуждены были выпустить. И не просто выпустить, а депортировать его в ту страну, из которой он прибыл.

И вот Лунин снова на вокзале в Польше. Ему даже выделили на дорогу какие-то деньги. Но деньги у него тут же отняли свои же русские бандиты, которые в те годы контролировали в Польше вокзалы и базары. При этом умудрились еще сломать ему руку. Слава Богу, что успел купить билет и, как опытный «сталкер», догадался запрятать его в носок.

Так и явился в Москву к своей жене и детям с рукой в гипсе. Но жена сказала, что он им уже давно не папа. Как, впрочем, и для нее – не муж. Ведь прошло столько лет...

И Лунину ничего не оставалось, как податься к родителям в родной город Саратов. Там он какое-то время отдышал, зализывал раны. А потом сказал, что в этой стране он жить уже не сможет и что надо снова прорываться в Европу.

В Европе его следы и теряются.

По последним данным, однажды к Сергею Носову – известному к тому времени уже писателю, финалисту Букера и близкому другу Лунина, в Питер приехала жена Лунина, Оля. Она показала разворот какого-то глянцевого журнала. Там, на фоне величественных гор Тибета, была сфотографирована группа тибетцев. «Беженцы Тибета зывают о помощи», – гласила надпись. И одним из этих «беженцев» был Лунин.

– Как ты думаешь, он жив? – печально посмотрела она в глаза. – А то меня дети спрашивают...

– Я думаю, Лунин жив, – сказал тогда Носов.

Вот такая нескучная история произошла с талантливым писателем Толиком Луниным, который затерялся во времени и пространстве. И кто знает, может, где-то в горах Тибета в звенящей тишине Шамбалы пишет сейчас свой роман века, а может и самой вечности.

PS.

Но, честно говоря, что-то в этой истории меня смущало. Ну, не мог, мне казалось, вот так запросто пропасть, исчезнуть человек, которому даже не нужно было придумывать героя для своего романа. Я потому, в сущности, и начал о нем писать, чтобы Словами Силы задержать его в этой жизни до лучших времен.

А еще я успел заметить, что за пределом слова тоже есть жизнь. Просто ее заселяют другие люди. Люди, так сказать, другой «паутины», в которую можно проникнуть только через компьютер.

В свое первое «проникновение» я нашел с десяток одноклассников и даже свою первую любовь, которую звали Зоя.

Зоя стояла у Эйфелевой башни и радостно махала мне рукой, чтобы я ее заметил. Башню я узнал сразу. С Зоей возникли сомнения – та ли это Зоя, за которой каждый мечтал таскать ее дерматиновый портфель всю оставшуюся жизнь.

Но сейчас это была не Зоя, а совсем какая-то другая тетка с огромной «бу» и такими же огромными, словно вывернутыми наизнанку, губами. И звали ее уже не Зоя, а... Тумба Юхансон, которой я никогда бы не посвятил свои первые писательские слова: «Ввожу миноносец в устье амазонки...»*

И тогда (от разочарования, наверное) я сделал это!..

Набрал в окошке поиска – «Лунин Анатолий», и «паутина» тут же выплюнула мне ответ: www.ubiutsa.ru

На этом адресе, а точнее – сайте были собраны убийцы и преступники со всего мира, начиная с Усамы бен Ладена и знаменитого международного революционера-террориста Карлоса Шакала (отбывающего во Франции два своих «пожизненных»), до «чудовища из Шарлеруа» Марка Дютру и даже нашего «героя» Чикатилло... рядом с которым и оказался почему-то Рюрик!..

Лунин Анатолий Николаевич

Пол: МУЖ

Национальность: РУССКИЙ

Дата рождения: 03.03.1958

Место рождения: ЛАТВССР Г.РИГА

Инициатор розыска: ГУВД Г.С.-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛ. ГАТЧИНСКОЕ УВД

Дата утверждения постановления: 04072003

Какое-то время я тупо перечитывал слова, пытаюсь проникнуть в смысл происходящего. Потом снова возвращался к «героям» сайта, выхватывая из прочитанного случайные куски... *при обыске в номере отеля Ильича Рамиреса Санчеса, в вещах был найден роман Фредерика Форсайта «День Шакала»...*

У Шакала было еще два брата... Всех троих звали – Владимир, Ильич, Ленин... «Обычно я вгоняю три пули вокруг носа...» – рассказывал революционер Шакал в одном из своих интервью.

Но в голове все это никак не укладывалось. Казалось, произошла какая-то нелепая ошибка и надо что-то срочно делать, предпринимать... С другой стороны, они наверняка знают, где Лунина искать и, если продолжают его искать, значит или делают вид, что ищут... или...

На этом втором «или» в чакре Сахасраре как-то потеплело, и на экране монитора побежали буквы - U N D R... только на английском. Видимо, у Лунина не оказалось под рукой нашей клавиатуры.

Я еще хотел его спросить – А К А К Ж Е А К А К...

Но на экране появилось второе слово... U N D R ***.

(*Жора Жердев)

(**Вариация на лозунг: «Коммунизм – пыздыр максымардыш пыж», в переводе не нуждается)

***Undr – чудо (на языке загадочного народа урнов, поэзию которого составляет одно единственное слово) Х.Л.Борхес

Андрей Цуканов
Нью-Йорк, США

Я-1

Стихи на русском
и английском

ГУСИ ЛОНГ-АЙЛЕНДА

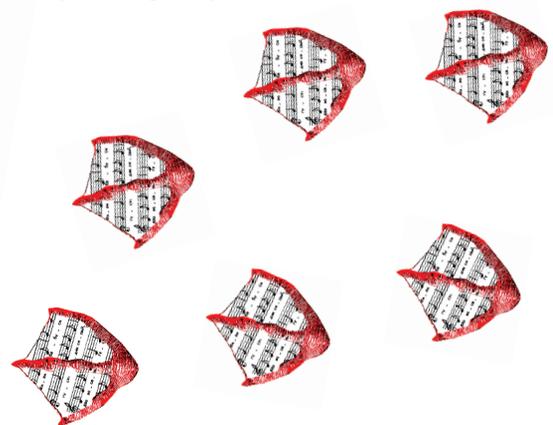
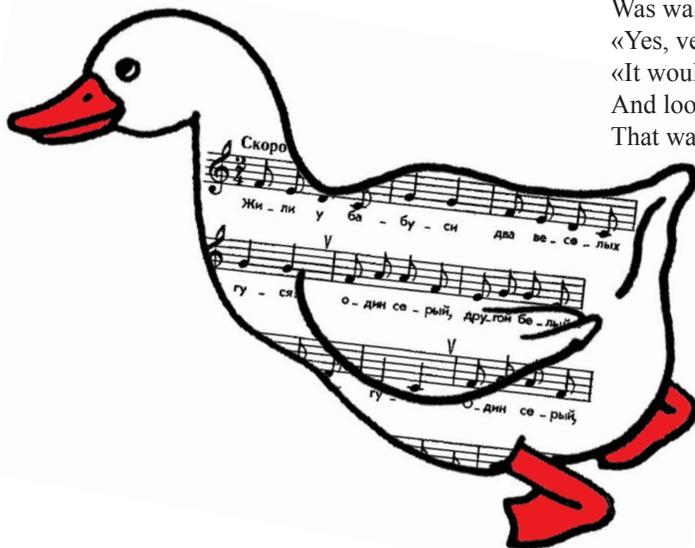
Когда в феврале этого года
На Лонг-Айленде выпал снег
Все очень удивились
Особенно удивились гуси
Эти гуси бродят по Лонг-Айленду
Целыми стадами
Оккупируют футбольное поле хай скул
Недалеко от моего комьюнити
Гуляют по лужайкам вокруг офиса моей работы
В общем ведут себя по-хозяйски
А ведь всего-то сезонные иммигранты из Канады
И вот в феврале по ним ударило снегопадом
Какого хрена?!
Было написано на их клювах
Все это мы могли получить и в Канаде
Не напрягая крыльев
Слушая их возмущенное шипение
Я вспомнил двухнедельной давности
Разговор двух русских баб
Тоже из иммигрантов
Учащихся на английских бесплатных
Курсах для приезжих
В той самой хай скул

Какие красивые гуси – сказала одна
Любуясь проходившим мимо гусаком
Огромным, важным, полным мужской энергии
Да-а красивые – ответила другая
Вот бы такого зажарить в духовке
И любовно посмотрела вслед удаляющемуся гусаку

This year the great snow fell
On Long Island in February
All creatures living there
Were unpleasantly surprised
The geese were particularly
A lot of hug herds of these
Occupy the Long Island every winter
They walk like at their place High School's football field
Not far from the community that I live in
And the lawns around my office job
In total they behave living on Long Island like masters
Though they are really seasonal immigrants from Canada

So in February they were hit by snowfall
«What's the fuck?!»
Was written on their beaks
«We could have this at home, in Canada
Not straining our wings!»
Listening to their indignant hiss
I remembered
A conversation between two Russian women
That I listened two weeks ago to
The women also are immigrants
And go to free English courses for immigrants
In that same High School

«What're the splendid geese!»
Said the one looking delightedly
At the huge, self-confident, full of male energy gander
Was walking across the road were that women stayed
«Yes, very splendid!», agreed the other
«It would be such a good as roasted»
And looked lovingly at the gander
That was grandly moving away.

Алевтина Дорофеева

* * *

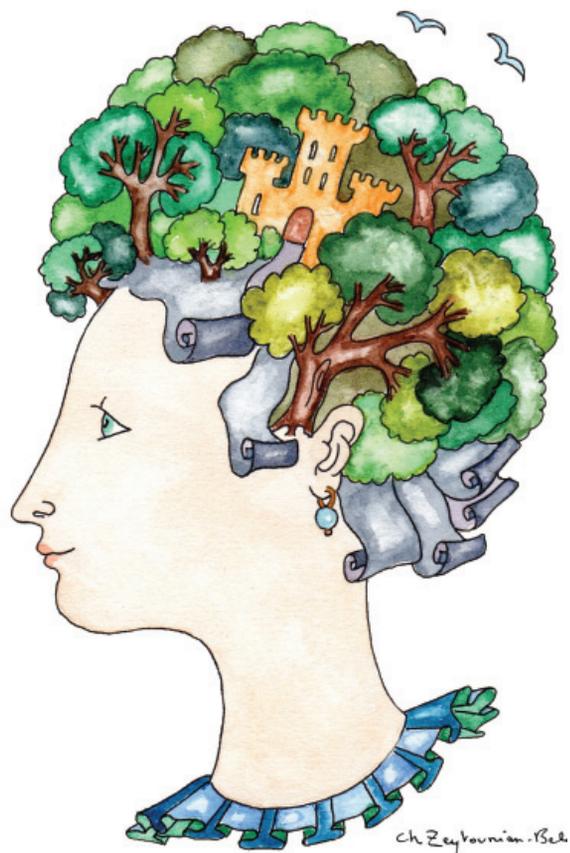
По нутру тоннеля в горизонтальное дно
Едет мой поезд до станции «ОпечатникиВлюбл
Любовь мою опечатает но не найдет предел
Окно заслонившая снами тонна уставших тел
Падение горизонтально замаскирован холл
не допускать ошибок размер поведение пол
где-то на перегоне светится лампой дно
Может сойду в Печатниках
может быть в Люблино

* * *

сны опасны воздух для выдоха эхо для слуха
закрываешь подушкой оба уха и чувствуешь зап
муха в скорлупе от ореха ждёт особого шороха,
чтобы стать напрасной птичкой зарничкой-пено
а я девочка в утробе пены молочной проснусь
и буду лучи солнечные кормить грудью
только пусть уйдут люди
заснут звери насекомые расползутся а деревья наклонятся
птичка-зарничка-напрасная-пеночка полетели в рай обниматься
целоваться смеяться и играть с ним в верю-не-верю
он-то любит эту игру
отковырнет от луны полосу наточит её в иглу
поставит звезду как пластинку на облако
слышит колокола вопросы и поёт во весь голос
но мало кто слышит пение
тем не менее
сны напрасны воздух для вдоха эхо для зрения
времени

* * *

Бомжи стали ниже наклоняться к земле. Ножки расшатаны у стола.
У станции «октябрьская» в ноябре опережаю время на градусы ниже нуля.
Медленно, чтоб молчание не задеть, выпускаю свой дым в чужой капюшон.
Дыхание – алюминий, а кожа – медь. Опередив тяготение на пару тонн
тело просит пощады, о возмездии молит душа, надо попробовать жить не дыша.
Стол многоножка носил мне обед. Стул многоручка царапал паркет.
Звезда многоглазка рыдала в стакан. Любовью кормился дырявый карман.
Дворяги бежали стадами к югам. И падали птицы к усталым ногам.
Застряли монетки у Евы в ребре, и стонет «ноябрьская» в октябре.
И тонет «октябрьская» в декабре, стенает «декабрьская» в январе.

Кристина
Зейтунян-Белоус
(Париж, Франция)
«Дама-пейзаж», 2014
(смешанная техника)

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС – графикозавр
(Париж, Франция).

Огненный ангел (бумага, смешанная техника).

«И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался – но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья...»

М.Ю.Лермонтов «Демон»

Валерий Мутин

Пречистое,
Ярославская область

* * *

Кораблик ложится
на левую сторону
все к правому борту стремглав,
как по сговору.

Кораблик качается вправо,
тогда
все влево,
и всех поглощает вода.

* * *

В грехе родясь и умирая,
понять мы так и не смогли,
за что нас Бог изгнал из рая,
за что сотрет с лица Земли.

* * *

На нас из преисподней бесы
глядят сквозь темные очки,
как мы на древо жизни лезем
и рубим за собой сучки.

О том не думают безумцы,
что нам не в Райские сады,
а на бесовские трезубцы
в итоге падать с высоты.

* * *

В любви всего дороже лад.
«Л» зачеркни, получишь ад.

Желаю больше дней в году
прожить в ладу, а не в аду.

Привычка к высоте

Не дорожу последней спичкой,
последней искрой в темноте,
а дорожу одной привычкой,
простой привычкой – к высоте.

Владимир Спектор

Луганск

* * *

Я не знаю, за что и как,
Я не знаю, зачем и где.
Но сияет небесный знак,
Отражаясь в земной воде.

И летит среди прочих миров
Мой, ничтожный, прекрасный, родной.
И скрепляется кровью кров,
И вопрос, как крыло за спиной.

* * *

Облака плывут с востока,
И державен их поток.
Безразлична им морока –
Запад прав или Восток.
Им, наполненным дождями,
Важен только свой маршрут
Над полями, над вождями,
Что пришли и вновь уйдут.

* * *

– Ты слышишь, как сердце стучит у меня?
рельсам

– Нет, это – колёса по рельсам...

– Ты видишь – дрожу я в сиянии дня?

– Ты мёрзнешь. Теплее оденься...

– Ты видишь – слезинки текут по щекам?

– Нет, это дождевики – к удаче...

– Ты чувствуешь – я ухожу к облакам?

– Я вижу, я слышу... Я плачу.

* * *

В душе – мерцающий, незримый свет,
Он с лёгкостью пронзает стены.
Взгляни вокруг – преград, как будто, нет.
Но как тревожны перемены.

Небесной тверди слыша неуют,
Беспечно дышит твердь земная.
И нам с тобой – вдоль перемен маршрут,
Пока горит огонь, мерца.

Александра Заболотская

Казань

* * *

– Скажите, доктор, почему
мне не везет в любви? В чем дело?

– Вы больны.

Диагноз – неумение любить.

Порок души на хромоту похожий.
Так за любовью ты не успеваешь,
хромаешь, ковыляешь.
Любовь уходит, ты догнать ее не можешь,
ты отстаешь и от усилий устаешь.
Любовь ушла. Ты вслед ей смотришь...
с облегченьем.

Да, точно: неумение любить –
порок души на косоглазие похожий,

когда любовь ты видишь искаженно,
все криво, косо, неправильно

и значит некрасиво.

И наступает разочарованье.

Любовь ушла. Невелика потеря!

Да, безусловно, неумение любить –

порок души на глухоту похожий.

Ты голоса любви почти не слышишь.

Что говорит она, почти не понимаешь,

и это раздражает и надоедает.

Любовь ушла.

А что же, собственно,

она в виду имела?

Но если неумение любить

является пороком сердца,

болезнь не безнадежна,

при современной медицине излечима.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр

Дублин, Ирландия

* * *

Когда тебя переполняет синева,
ты для кого-то – в птице спрятанное небо.
Кусочек жизни отрезает тетива,
но этой жизни много. Более, чем хлеба.
Когда собою отменяешь темноту,
поют тебе вдогонку солнечные стрелы
и день грядущий просыпается в поту,
ворчит сердито, но вдевает ногу в стремя.

Горные террасы

Горные террасы –
как поднимающиеся вверх ступени –
фиолетовая
сиреневая
синяя
голубая
наконец пунцовая –
но это уже небо

Никита Гиндес

ИРИС

В одной горной деревушке жила маленькая девочка. Жили они втроем: Бабушка, Ирис и большой сторожевой пес Улай. Куда делись родители и как они выглядели, Ирис не знала, весь ее мир состоял из Бабушки, Улая и нескольких жителей деревни.

Как-то через деревню ехали охотники, в разгар пьяного веселья кто-то из охотников выстрелил в Улая. Улай лежал и хрипел две недели, а потом умер.

Бабушка последние два года стала кашлять и все чаще говорила о том, что делать Ирис, когда она останется одна. Умерла Бабушка неожиданно, просто в одно утро она не проснулась, и Ирис нашла ее в кровати с закрытыми глазами и легкой, почти неуловимой улыбкой на лице. После того, как Ирис похоронила Бабушку, она поняла, что у нее совсем не осталось родни и она круглая сирота. К ней наведались несколько мужчин из деревни,

два молодых и один вдовец. Каждый предложил ей стать женой и пообещал хорошую и красивую жизнь. В тот же вечер Ирис сходила попрощаться с Бабушкой и Улаем, собрала самые ценные вещи и отправилась с темнотой в ближайший город.

Остановилась она в постоялом дворе и напросилась у хозяина в подсобные работницы, сказала, что не боится любой работы и согласна помогать за ночлег и еду. Через несколько недель хозяин предложил ей своеобразную подработку, Ирис сказала, что подумает, и вечером собрала все вещи и снова отправилась в путь.

Она останавливалась еще в нескольких местах в городе, и везде история повторялась. Не прошло и года, как она снова вернулась в свою деревушку и поселилась в старом доме.

Говорят, спустя несколько лет, через эту деревню проезжал принц и остановился на ночлег в домике у Ирис. Юная красавица так ему понравилась, что он остался еще на день и перед отъездом сделал Ирис какое-то предложение. Согласилась Ирис или нет – неизвестно, она ответила, что должна подумать.

Что случилось потом, никто не знает.

У этой истории нет красивого конца или неожиданной и поучительной морали, как в баснях. История о том, что сиротам тяжело живется, даже если они красивы и юны, про остальных и говорить нечего.

«Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне»...

М.Ю.Лермонтов, 1832.

Мадина Музафарова

Ташкент

* * *

Неверность тех, кто славит верность,
Безверье тех, кто веру чтит.
Кому нужна святая ревность,
Когда не слышен стук копыт?

О, нрав, горячий и свободный –
Летящий ветер наугад.
А конь безродный и голодный
Вперед несется, как назад

* * *

Вы мне навяли мотивы,
А благородства не прошу...
Коней растрепанные гривы
Руками нежно расчешу.

Есть свет на небе серебристом
Алмазной венчанной звезды,
Пойду за таинством пречистым
Коней, не взявши под узды.

* * *

Руки беспомощная дрожь,
Глаза от белого устали,
Коней измотанных падёж,
Что к солнцу зимнему бежали.

И не успеть за счетом дней,
Где снег нещадно застигает
Следы не спасшихся коней.

.....
А небо новых отправляет...

*Галина Якубовская «Буря»
(смешанная техника).*

Юрий Борев

доктор философских наук

* * *

Да, я предвижу все заранее,
Но тороплюсь мосты все сжечь.
Вот так же конь смертельно раненный
Идет под новую картечь,

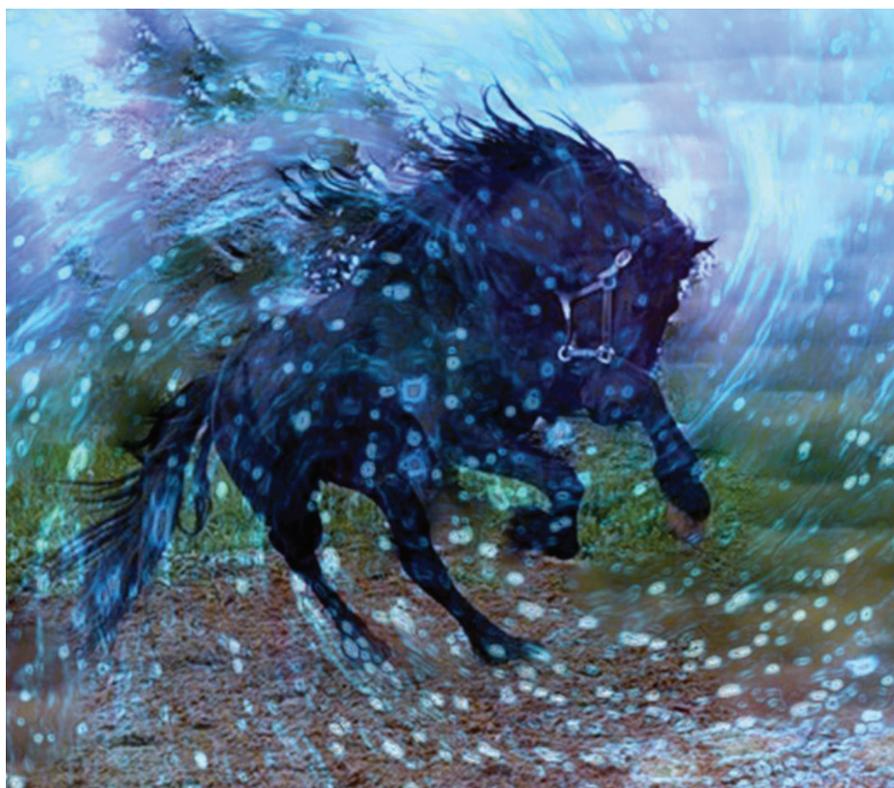
Он так же сердце подставляет
Под новую струю огня.
И в пропасть злой разбег бросает
Разгоряченного коня.

Но я за эти счастья миги
Камнепадения с крутизн
Готов отдать цветы и книги,
Сиянье звезд и даже жизнь.

* * *

Вам нерыцарям дамы прекрасной
Вам, которым любви легки
Я бросаю в лицо несогласие
Как перчатку с правой руки.

Да не легкое будет сражение,
Вам или мне не сносить головы.
Принимайте мой вызов-презрение.
Я иду на Вы!

«Нина

Ужели много ждет меня таких минут?
О, перестань... ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умею
Просить, и ты неумолим... но я и тут
Тебе прощаю.

Арбенин

Лишний труд!

Нина

Однако есть и бог... он не простит.

Арбенин

Жалею!

М.Ю.Лермонтов «Маскарад»
1835-36 гг.

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

* * *

так кто же что во мне и из меня
ежегновенно стяжает свет
пред кем мой лоб сжимают руки
и сердце плачет по ночам
под тяжестью теней от звёзд
я не могу взлететь
я не могу уснуть
на дне руки цветок вдыхает свет
кружится бабочка
над бездною бесчисленных исчезновений
слова лианою обвили стены четырёх сторон
сжимая век до вечного мгновенья
трубит труба в оркестр духовой
танцует танцовщицу время
бурлит река впадая в океан

Юлия Ворона

И...

... и опечалуюсь над вами,
как вы пеклись обо мне,
разметывая над горами
орлов, пугая в вышине
орлов – как вы –
увы, могучих,
ничем не могущих себя
ни заслонить от бранной тучи,
ни развернуться к егерям
большою немокрылой грудью...

– пусть вам так сказано не будет! –
застывшей глянуть стариной...
... пускай так скажут надо мной...

Но руку дай!

... – но руку дай!
так солнцу к солнцу – взрыв!
(щекочет голень поздняя букашка...)

двухтомник иночеств, свести вас страшно,
о руки, но ещё нелепей скрыть

то макраме, то бисероплетенье,
когда врожденная измята гладь...

... так мой храмовник в вышнем упоении,
среди молитвы просит руку дать...

Татьяна Скрундзь

Липецк

Мойра

Равнодушна, страшна, правдива,
как холодный гранит могил,
заплетала судьбу ревниво
для того, кто себя забыл.

Над суровой верой в тайну
возвышалась, глуха и слепа,
и как будто совсем случайно
оброняла, плетя, слова:

неизбежность, удел, смирение,
ужас, трепет, сомнение, смерть,
преступление дерзновенья
о любви вековечной петь.

Но, не ведая пламенной страсти,
ошибалась опять и опять.
И невольно теряла власть, и
заставляла стихи писать.

И создания рокового
презирая трудов жнивье,
я кровавыми буквами слова
маскарад обличаю её.

Александр Петрушкин

Кыштым

* * *

обиды нет
бледнеет и темнеет
холодный сад
в 13 году

от георгины
жёлтые аллеи –
как псы и кошки
с воздухом в паху

наматывают
мясо ледяное
на кости
неоформленных столбов

где газ по трубам
как ребёнок ноет
но кажется ему
что он поёт

по остановкам
как ворона мёрзнет
и кутается
носом в проводах

калённых электричество
[как в тельник]
и топчет ночь
дырявую в носках

обиды нет
а делится на трое
холодный свет
завёрнутый в сады

и пчёлы спят
щенками в чёрном торфе
зажавши в ртах
куски стальной воды

*Костюмы А.Головина
к драме М.Ю.Лермонтова «Маскарад»:
Нина, Неизвестный.*

Ольга Адрова

ДООС – рок-стрекоза

Анна Каренина

Разные приключения у писателей,
 Всякие у писателей приключения:
Пишешь – железнодорожная станция,
 Слышишь – железнодорожная станция...
– У тебя было время переписывать «Анну Каренину»,
 Было время переписать «Анну Каренину»!
– Что ж ты не переписал «Анну Каренину»?
 Что ж ты не переписал «Анну Каренину»?
Ну, как вам железнодорожная станция?
 Как там железнодорожная станция?
Странные приключения у писателей,
 Страшные у писателей приключения...
Вспомнишь – железнодорожная станция...
 Смотришь – железнодорожная станция.
У тебя было время переписывать «Анну Каренину»,
 Было время переписать «Анну Каренину».
Что ж ты не переписал «Анну Каренину»,
 Что ж ты не переписал «Анну Каренину»?..

Она

Она ходила в черном,
 Это был ее цвет,
Она ходила в черном,
Она была как цвет
Всех этих долгих лет.

Ее хотелось выпить,
Ее хотелось любить,
Но ей хотелось петь,
Ей хотелось не быть.
Она жила как свет
Всех этих долгих лет.

Она ходила в черном,
Она была в масть.
Она шла в черном,
Она могла упасть.
Она была как цвет
Всех этих долгих лет.

Она шла в черном,
Она давила на газ,
И однажды она вышла
В последний раз,
Чтобы уйти как свет
Всех этих долгих лет...

Валерий Жевлаков

Королева

Она была королевой в солнечном танце,
Он был горящим бессмысленным бунтом.
Она смеялась глазами, пуская в его волосы пальцы,
А он был безумно влюблен в ее губы.

О любви

Незапретно, прощаемо, искренне.
Беззаветно, желаемо, искрами
Высекаемо, вряд ли письменно,
Лишь вербально, так чувственной истина.

* * *

Гореть ярче не получается. Смерть –
Лишь убежище. Разрывается ткань
Настоящего. Окунаемся в бред
Грядущего, предстоящего, разгораемся.
Нет.

Но гореть ярче не получается.

Мы не сможем пылать ярче, и впредь
Дотянутся до звезд. Обрывается нить
Сердечная. Замедляется свет,
Закрывается дверь познания.
Разгорается.

Но гореть ярче не получается.

Бруно Нивер
Париж – Москва

Поэтическая инсталляция
СТИХОПЛАТЬЯ

Ночные блуждания

Куда вы идете
Женщины в ночи.
Укутанные в звездные мантии?
Звезда севера и Звезда юга
Блуждающие корабли
по морю города
Причалившие к моему
одиночеству
Бессмысленные сны
случайные встречи
Увенчанные Луной
Женщины в Ночи
О моя отрава!

Платье «Я вам не верю...»

Платье «Радуга»

Свет любви

Но вращенье земли
Ось движенья Пространства и землян
в ночи
Поэт объединяет звездные души
В едином свете
И верить в Тебя – О Красота
Бежать отсюда сиять среди светил
Чтобы вновь обрести тебя –
О, свет любви!

Авторский перевод с французского

Поэма комментов к Журналу ПОэтов № 3-4, 2014
«Поручик Лермонтов»

Вступление в ПОэму

За ночь –
С заката до рассвета –
Не прерывая интерес,
Я прочитал Журнал ПОэтов,
В котором Лермонтов воскрес –
Для жизни,
Страсти не тая...
И вместе с Лермонтовым – я!

1.

*Горные вершины –
Песня не солдатская...*

*Спят во тьме ночной –
Песня офицерская...*

*Тихие долины –
Песня секунданта...*

*Полны свежей мглой –
Песня дуэлянтская...*

*Не пылит дорога,
Не дрожат листья...*

Песни все – от Бога,
Смертны и просты...

2.

Среди непризнанных талантов
Нет дуэлянтов, секундентов!
Увы, без чести, без вины,
Живут себе – и хоть бы хны...

3.

Диссертация была защищена!
Но недолго кандидат был
защищён.
Эта тема вдруг была запрещена –
И всего, чего хотел, лишился он,
Хоть и был уже –
От скуки на все руки –
Он, увы, почти что
Доктором науки...

4.

В Америке, в Корее и в Китае
Меня недавно люди прочитали...
И написал мне критик:
– Милый мой,
Как рады все, что ты ещё живой!

Недаром –
Недолёт и перелёт –
Тебя в «ЖурПО»
сам Кедров издаёт...

Поэт в России
Должен долго жить –
С Еленою Кацюбою дружить,
Калинку петь,
Малинку собирать,
С Тамарами лезгинку

танцевать...

И не хвататься зря за пистолет,
Пока тебе не стукнуло 100 лет!

5.

– На каждого пророка
Есть свой рок
И Демон свой, увы, –
Поэт изрёк.
– Вот почему
В предчувствиях вины
Пути у всех предопределены...

И всё-таки
В любые времена
Поэт лишь прав –
И слову есть цена!

6.

Я в юности –
и весел, и пригож –
На Лермонтова
очень был похож.
Не зря меня мой друг
По мере сил
В Его мундире
вдруг изобразил...

И так сказал:
– Ерёмин, не жалея,
Что Лермонтов был
копией твоей!

7.

Слова – не те,
В любви и в маете,
В сомнениях
под знаком Зодиака...

Вся жизнь поэта –
память о мечте
Несбывшейся...

Нет, сбывшейся, однако!

Ольга Реймова

Жизнь прекрасна
и удивительна
(акростих)

Жизнь прекрасна и
Удивительна,
Разнообразна и
Необъяснительна,
Алмазно-
Лучистая и
Просто
Отличная!
Эфемерная
Такая
Она и
Великолепная!

И про всё про это
в Журнале ПОэтов!

Света Литвак

ДООС – зиоса

●
мягкий знак было время обеда
минус плюс понедельник четверг
двадцать два шоколадка «Победа»
интервал не сочтите за грех

хлеб ржаной заварной без кавычек
знак деления содержит фермент
синусоида вредных привычек
многогранности призрачный бред

●
встреча тем как уважение
возрастания к снижению
лишь увёртливый респект

в первый раз легко дающийся
пуще фальши пиетет

символ вечности для ближнего
повсеместно дело лживое
небылицей поросло

из огня рождённый явится
всем полюбится вертлявица
чистой почести стекло

●
обыватель Убухан
положил три копейки в карман
он купит фазитум фактотис

который в горшочке и будет расти
трясти корешками и стеблем ползти
так ты не молчи, продолжай, говори
о том, что давно не воротись

а если не знаешь, возьми и соври
фазитум фактотис сорви и возьми
чем голову людям морочить

●
нывот и нывотвот
тосковали вдали друг по другу
вот и **нывот** а вот нывотвот
чёрный хлеб и конфеты «Коровка»

Игорь Ревякин
«Ошибка папы Карло» (холст, масло).

●
лги лги многоугольный могила
мгли мгли могли магогами мигни
легавыми вангогами голимо
игли гольми иглоглами глумли

мерзлосами мозглазыми зломырзло
замёрзлыми злорозами замри
замаранло в мурло мазни мурлызо
лазорями люзорными лизни

лазюненько зелёненько козюли
красюлины каракули сцеди
плюгажины цеплюжины ошупли
пощёчкины щипочки пшенишны

Андрей Политов

Пермь

Тоталитаризм

Чёрный снег.
Больница.
Лагерь.
Чёрный свет.
Это мир печали.
Бритые головы.
Смерть в тулупе.
Удар сапогом в лицо.
Сплетение ветвей.
Узор холода.
Барачный посёлок.
Муки голода.
Никто вам не верил,
Вы не верили сами.
Что вы разрушили,
Что вы создали?
Никто вам не верил,
Вы не верили сами.
Вы всё разрушили,
Вы ничего не создали...

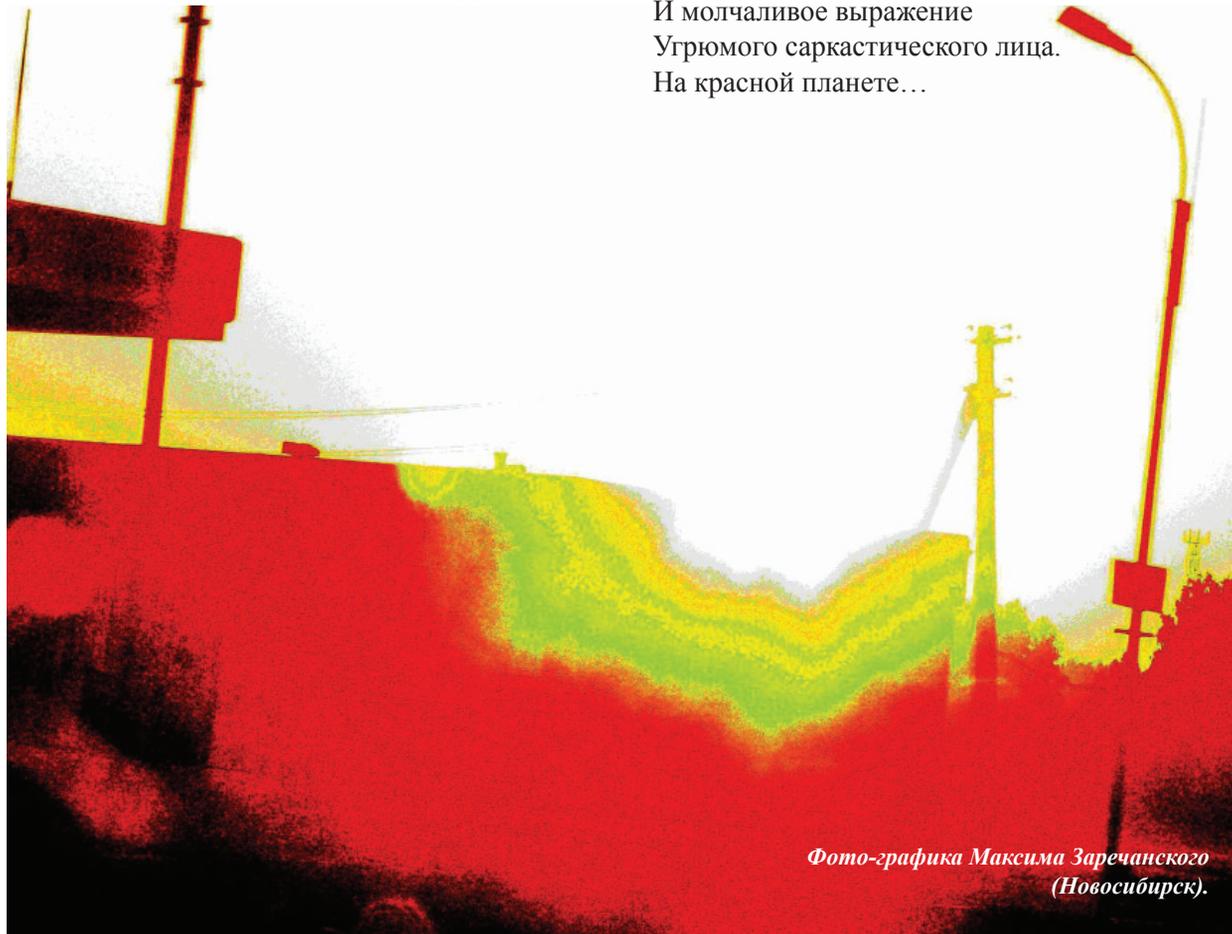
Въезд

...Въезд в страну чёрных деревьев.
За стеклом мелькают окна.
Я буду в тишине.
Я видел сквозь стекло,
Как красные, жёлтые, синие окна
Сменяются тьмой
И бесконечным небом...

Домкрат

Домкрат ползёт по полу.
Живой домкрат ползёт по полу.
Живой домкрат ползёт по живому полу.
Домкрат красного мира.
Домкрат – это Сократ.
Сократ ползёт по полу.
Живой Сократ ползёт по полу.

Живой Сократ ползёт по живому полу.
Сократ красного мира.
Домкрат очень умён.
У него высокий сократический лоб,
Твёрдый взгляд,
И молчаливое выражение
Угрюмого саркастического лица.
На красной планете...

*Фото-графика Максима Заречанского
(Новосибирск).*

Кира Сапгир
оса ДООСа
Париж, Франция

История
ПО-человечески

Бриллиант в смертельной оправе

История – это то, что творится сегодня. Она, словно пена морская, бьется о берег Времени. Пена изменчива, в радуге брызг, непрерывно меняющая очертания. В этой «пене дней» что ни всплеск, то судьба.

Мой дядя Григорий Сокольников вошел в историю как «советский Витте». Это он, Сокольников, в 20-е годы сумел на время обеспечить конвертируемость советского рубля, нормализовал в стране финансовую систему, выдумал НЭП. За все это расплатой для Сокольникова стал кошмарный политический фарс под названием «Большие процессы», разворачивавшийся в конце 30-х годов прошлого века...

Старая открытка

Как-то в руки мне попала дореволюционная открытка с видом на Трубную площадь. Там, напротив Цветного бульвара, виден приземистый «купеческий» двухэтажный дом. Ныне дом снесен, а была там когда-то аптека, существовавшая с первых лет XX века. Принадлежала аптека Фанни Соломоновне Бриллиант (урожденной Розенталь), моей двоюродной бабушке с материнской стороны. В этом доме на Трубной 15 августа 1888 г. и родился мой дядя Григорий Яковлевич Бриллиант, вошедший в историю под партийным псевдонимом Сокольников.

По-настоящему выдающиеся, гениальные финансисты рождаются, пожалуй, реже, чем один раз за столетие. Таковы великие государственные мужи – Конкрин или Витте.

И, конечно же, ни для кого из них жизнь не завершилась таким трагическим финалом, как для Григория Сокольникова. Долгие годы, казалось, навсегда была стерта память об этом деятеле, в первые десятилетия прошлого века повлиявшем на весь ход советской истории.

Как уже сказано, Григорий Яковлевич Бриллиант (Сокольников), родился в Москве. В девятьсот пятом, 17-ти лет от роду, он руководил социал-демократическим движением студентов Императорского универ-

ситета, где учился. В семье было еще два сына – Владимир и Михаил. Забегая вперед, скажем: Владимир сгинет без вести в эмиграции, а Михаила посадят (вслед за братом) и убьют на Колыме.

Невероятно, но факт: в годы «юности мятежной» будущий финансист... грабил банки «на нужды партии»! «Работал» он бок о бок с другим «карбонарием» – Виктором Таратутой. Тот был по совместительству и брачным аферистом. Пополняя партийную кассу, соблазнял доверчивых дамочек, выманивал у них обманом деньги – все во имя идеалов, вестимо!

Григорий Сокольников, комиссар финансов, член делегация СССР на конференции в Генне после прибытия в Берлин. Май, 1927 г.

Руководил же «экспроприациями» Большевистский центр, на который «трудился» на Кавказе и некий товарищ Коба...

Разбойно-партийную деятельность Большевистского центра в 1907 году раскрыли. И в 1909 революционер-налетчик Гриша Бриллиант был схвачен и помещен в Сокольническую тюрьму. Там и родилась партийная кличка «Сокольников». Его отправили в ссылку в Сибирь, но вскоре он сбежал оттуда, о, чудо! – прямиком во Францию.

Там Сокольников закончил Сорбонну (экономический и юридический факультеты). В

Париже он познакомился и сблизился с Плехановым, Крупской, Лениным. При этом «вождь пролетариата» видел в нем человека «архиспособного».

С приходом Февральской революции Г. Сокольников вернулся в Россию – в вошедшем в фольклор «запломбированном вагоне». Его дорожными компаньонами были Ленин, Зиновьев, Радек, Инесса Арманд.

По возвращении, с января 1918-го Сокольников вошел (правда, ненадолго) в бюро ЦК РКП (б) вместе со Свердловым, Лениным, Сталиным, Троцким. В этой пятерке он был самым младшим. И тем не менее, именно он весной того же 1918-го был направлен в Брест во главе делегации для ведения переговоров о перемирии – и лично подписал Брестский мир.

Напомним, что к 1921 году состояние экономики в стране было поистине катастрофическим. В годы военного коммунизма задействована была продразверстка – а на самом деле экономический террор. Тогда у крестьян продотрядами отнимался практически подчистую весь урожай, все зерно, овощи, мясо, сено, скот. Крестьяне, пытаясь выжить, прятали зерно. Их раскулачивали, ссылали, убивали. Результатом стали повальный голод и запредельная денежная эмиссия. К осени 21-го рубль обесценился в 50 000 раз.

Финансист от бога

Спасение пришло в лице нового главы Наркомфина. Осенью 1922-го, в возрасте Христа, Сокольников получает портфель наркома финансов. И тотчас же начинает менять провальную советскую экономическую структуру. Для этого он на смену продразверстке вводит продналог – то бишь «процентное или долевое отчисление от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нем». Это новшество и стало основой перехода к новой экономической политике – НЭПу. Новая концепция изменила всю структуру финансирования госбюджета. Так страна была спасена от тотального краха.

К разработке своей реформы нарком сумел при-

влечь многоопытных хозяйственников, финансовых светил старой России.

Уже в те годы Григорий Сокольников рассматривал советскую экономику как часть мирового хозяйства. Экономический и финансовый подъем Советской России, полагал он, возможно осуществить за короткий срок, если страна сумеет хозяйственно примкнуть к мировому рынку. «Пока мы сохраним твердую валюту, до тех пор вся хозяйственная система останется в равновесии и сохранит способность к движению вперед», – провозгласил Г. Сокольников 28 октября 1925 г. И тогда, единственный раз в истории советской, да и отчасти сегодняшней России, в стране появилась твердая валюта – был выпущен знаменитый «золотой червонец».

Сокольникову удается осуществить две деноминации (1922 год – в 10 000 раз, 1923 год – еще в 100 раз). В конце 1922 года он выпускает бумажные червонцы, обеспеченные

золотом на сумму 500 млн. рублей. На новой основе возникло сберегательное, страховое и биржевое дело. Были впервые выпущены облигации 6% золотого выигрышного займа. На облигациях стоят подписи Ленина (единственный с его подписью заем) и Сокольникова.

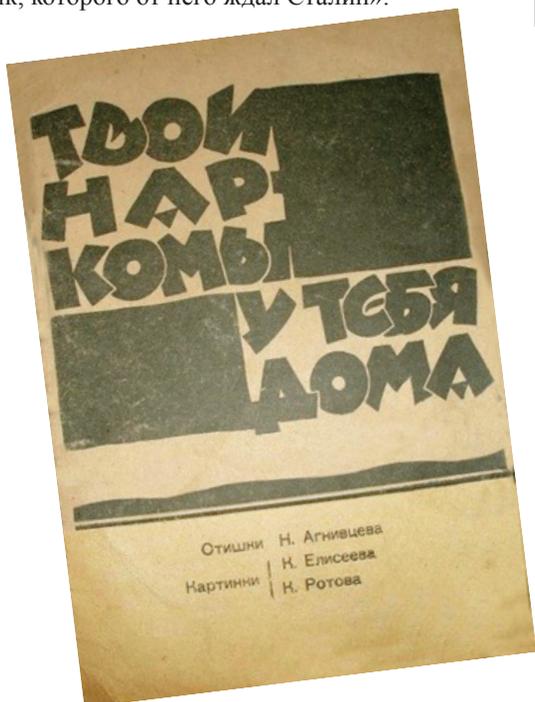
Тогда же вводится в обращение серебряная и медная монеты (проба и масса аналогичны царским). Больше того – были разрешены (с весьма разумными ограничениями) свободный ввоз и вывоз инвалюты, золота, червонцев. Эту неслыханную победу Сокольников одержал всего за три с половиной года.

Тучи сгущаются

Он многое ещё успел бы сделать. Но уже выяснилось, что Сокольников-де, «мешает победоносному шествию советской экономики», а на самом деле – возможности просто включить печатный станок. Небывалый случай в истории по тем временам: против Сокольникова вместе выступили Сталин и его злейший враг Троцкий. И наркома финансов убрали.

До поры до времени Сокольников еще сохранял немалое политическое влияние. В 1929-1932 гг. он был назначен полпредом (послом) СССР в Великобритании, а по возвращении в Москву в 1932 г. стал заместителем народного комиссара иностранных дел. Но травля уже началась. В январе 1934 г. Соколькова заклеил Лазарь Каганович. Руководитель партийных чисток заявил тогда, что «простая колхозница политически грамотнее “учёного” Сокольникова». Пошла раскручиваться смертоносная спираль. Сокольникова лишили всех крупных должностных постов, предоставляя все более незначительные в мелких госструктурах.

Неизбежное пришло 26 июля 1936 года. Сокольникова арестовали по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». На «больших процессах», как известно, правил бал государственный обвинитель Андрей Вышинский. На первый взгляд представляется странным: как это польский шляхтич, кузен знаменитого кардинала Вышинского, взял на себя на процессе роль главного инквизитора? Этому дает объяснение в своей книге А. Ваксберг: «В антураже Сталина, — пишет он, — состоявшем после чистки из страшных ничтожеств, Вышинский был бриллиантом на много карат. И свою роль во время процессов он блестяще выполнял: вел себя страшно грубо — тот язык, которого от него ждал Сталин».

Нарком финансов Григорий Яковлевич Сокольников. Иллюстрация в детской книжке 20-х годов «Твои наркомы у тебя дома». Стихи Н.Агнiewiczа, картинки Н.Елисеева и К.Ротова. Из четырнадцати персонажей этой книжки своей смертью умерли только трое.

Гибель

Во время следствия Галина Серебрякова, третья жена Г. Сокольникова, дает признательные показания против мужа. Это не помешало ей самой вскоре оказаться в лагерях. Но она выйдет оттуда и впоследствии даже напишет ангажированный роман о Карле Марксе «Прометей».

Из Сокольникова в застенке показания выбили, как и у прочих «заговорщиков». 30 января 1937 года его приговорили к 10 годам тюрьмы. По официальной версии, 21 мая 1939 г. Сокольников был убит заключёнными в Тобольском политизоляторе. Но семье была известна другая версия. На самом деле, он покончил жизнь самоубийством в одиночной камере, разбив голову о стену.

P.S.

Коротка человеческая память. Но История рано или поздно расставляет всё по местам. Чаще, к сожалению, поздно. Только в перестроечную эру, 12 июня 1988 года Григорий Сокольников был реабилитирован посмертно.

Федор Сологуб

Да, были битвы (подражание Лермонтову)

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром...»

«Что ж, дядя, нешто ненароком
Сцепились мы в краю далеком
С толпами басурман?»

Иль сдуру схватки боевые,
Да, говорят, еще какие?
К чему ж узнала вся Россия
Шахо и Ляоян?»

«Да, были битвы, это точно,
И мы пошли туда нарочно,
А не занес нас черт.
Мы встосковались о просторе.
Нам тесно, – вот в чем наше горе,
И на далеком теплом море
Нам очень нужен порт.

Мы корабли туда послали,
В аренду от китайца взяли
Клочок его земли,
Там крепость мы соорудили,
Японцу этим досадили,
Зато уж пили, пили, пили,
Себя не берегли.

Японец злился да ершился,
Всё с нами воевать грозился,
А цепок он в бою,
Но мы с ним обходились важно,
Переговоры шли затяжно,
И повели весьма отважно
Мы линию свою.

Внезапно, невзирая на ночь,
Назвался он «Иван Иваныч»
И под завесой мглы,
Как самый низкий дикий воин,
Наделал нам больших пробоин,
За что, конечно, стал достоин
Презрительной хулы.

Тут стали пятиться мы раком.
По косограм, буеракам
Сбиралась тихо рать.
Японец шел то врозь, то кучно.
Хоть отступить нам было скучно,
Но с малой ратью несподручно
Японца покорять.

Когда мы вышли понемногу
На Мандаринскую дорогу,
Мне разом оторвало ногу
И прострелило грудь.
Да вот, спасибо санитарам,
Забрали, не погиб я даром,
Поправлюсь как-нибудь.

Что дальше будет, я не знаю,
Газету каждый день читаю, —
В ней пишут мудрено:
Японец, вишь, обескуражен,
И в траур Ниппон весь наряжен,
А порт-артурский флот посажен
На самое на дно.

Не то кингстоны мы открыли,
Не то японцы просадили
Снарядами бока.
Да, скоро будет перемена:
Сидим мы крепко у Мукдена,
Разбитым кораблям замена
Ползет издалека.

Вот так-то. А расчислить точно,
Так что ж – пошли ли мы нарочно
Или понес нас черт?

Что тосковать нам о просторе,
Не в тесноте же наше горе.
На кой нам прах на дальнем море
Какой-то лишний порт».

4 декабря 1904

ПОлетаем

В июне 2014 г. в городе Великие Луки состоялся XIX фестиваль воздухоплавания.

Владимир Павлов

Великие Луки

ТЕЛОПОЛЁТ

Пилоту аэростата Олегу Зенькову

А ничего лечу, человечина!¹

А шар – Russia...²

Неж тело – полёт жён.

Неж Оль в воздухе, не худ зов вложен.

Неж Альбукерк,³ рек ублажен.

А ничего лечу, человечина!

А шар – Russia...

О, горелок колер, ого!

И лад себе – небес дали.

Корзин вниз рок.

А ничего лечу, человечина!

А шар – Russia...

Я рад – телополёт даря,

А себе небеса,

AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA

1. Палиндромострока Велимира Хлебникова.

2 [ˈrʌʃə] (англ.) – Раша – Россия.

3. Город Альбукерк – столица воздухоплавания в США.

Фотопалиндром Владимира Павлова.

Фёдор Сологуб предсказал прилет воздушных шаров – аэростатов в Великие Луки 100 лет назад в своём первом романе «Тяжёлые сны», действие которого разворачивается в этом городе. Герой романа Логин подшутил над местной учительницей. Ему показались смешными и фантастическими ее идеи о просвещении: «– Знаете что? Вы подождите немножко... хотя воздушных шаров... – С динамитом! – прошептала Ивакина, в страхе глядя в угрюмое лицо Логина... Но... как же... неужели без революции нельзя?». И на другой же день пошли по городу нелепые слухи: «Стали говорить, что кто-то видел воздушные шары от прусской границы (она находится на расстоянии многих верст от нашего города). Говорили, что один шар летал совсем близко к земле и что с него немецкие офицеры бросали прокламации, а мужики их подбирали и, не читая, несли к уряднику. Другие говорили, что это не прокламации, а целая уйма поддельных кредиток, и мужики будто бы их припрятали, – собираются платить ими подати. Говорили и то, что сидели в шарах не офицеры, а молодые люди в поярковых шляпах и красных рубахах-косоворотках, пьяные, и пели возмутительные песни, не то «Марсельезу», не то камаринского». А про Логина стали говорить, «что это он летает на шарах по ночам, когда все спят, а видеть его нельзя и шара нельзя видеть...»

Герман Гецевич

АНТИ-МЫ

земное **ЗДЕСЬ** – в потёмках поредельх
сквозное **ТАМ** – крадётся по земле –
душа же обитает в тех пределах
где только **МЫ** в единственном числе

Я – мыкается в муках озверелых
ТЫ – тыркается мухой на стекле –
душа же обитает в тех пределах
где только **МЫ** в единственном числе

СЕЙЧАС – грустит о чувствах скороспелых
ПОТОМ – руками тянется к золе –
душа же обитает в тех пределах
где только **МЫ** в единственном числе

в окне – пробел – но дело не в пробелах:
лимит луны от лени на нуле –
душа же обитает в тех пределах
где только **МЫ** в единственном числе

частицы отрекаются от целых
и тело тяжелеет на игле –
душа же обитает в тех пределах
где только **МЫ** в единственном числе

1993 г.

ПАУЗА

гармония рождается из хаоса:
между словами затесалась пауза
и в густоте иного вещества
утратили значение слова

плотней чем воздух и длинней чем Яуза
исчадье МХАТа – чеховская пауза
есть спазмы слов и смысла закрома
но в паузе – Поэзия сама

и если юность – алый призрак паруса
то смерть и старость – безусловно – пауза
не затянулся б только их постой
чтоб пауза не стала пустотой

1995 г.

«Ты прикрепил к созвездию парус...» Велимир Хлебников

Журнал ПОэтов № 7-8 (60) 2014
«Парус поэта»

Учредитель, идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

Редакционный совет
Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В. Ахломов; С.Бирюков – доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов – доктор филологических наук;
профессор В.Вестстейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий – доктор геолого-минералогических наук;
Э.Гусейнов – кандидат исторических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); В. Нарбикова.

Макет номера – Елена Кацюба
Верстка – Николай Лазарев
На 1 стр. обложки – компьютерная графика Галины Мальцевой.

Номер подписан в печать 25.08.2014

Издательство ДООС Маргариты Аль

Телефон 8-926-524-5662

Адрес в интернете
Литмир Журнал ПОэтов
<http://www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742>

e-mail – fly-1@mail.ru

Людей ПОсмотреть,
себя ПОказать

Стенд группы ДООС
на выставке «Рукиздат»
в Центре дизайна ARTPLAY.

Акция «Библионочь».

Слева направо: Маргарита Аль,
Константин Кедров, Елена Кацюба.

Вверху – эмблема ДООСа (автор
Сергей Бордачёв).

Москва,
27 апреля 2014 г.

ДООС празднует 20-летие в Музее литературы XX века. Финал вечера – поэтическая катавасия (все читают одновременно каждый свой текст). Слева направо: Александр Бубнов, Герман Виноградов, Александр Ткаченко, Алина Витухновская, Константин Кедров, Елена Кацюба. Москва, 15 сентября 2004 г.